



ХОРС: о чем молчит школа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕВГЕНИЙ ОКТЯБРЬСКИЙ

Евгений Октябрьский

Хорс: о чем молчит школа

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Октябрьский Е. В.

Хорс: о чем молчит школа / Е. В. Октябрьский — «ЛитРес: Самиздат», 2021

История эта происходит в наши времена, когда относительно новые смыслы жизни уже ушли в прошлое, а другие не даны были современному человеку. И как-то исподволь, ввиду природы человеческой, все настойчивее и настойчивее, сами собой отовсюду звучат голоса, влекущие его к давно пережитым смыслам и целям жизни. Из Москвы, движимый лишь ему одному известными причинами, в маленький провинциальный городок с бывшим градообразующим предприятием приезжает молодой учитель физики и устраивается в местную школу. Поселившись у родной тети, он почти сразу же попадает в круговорот особенностей местного быта. В четырех частях книги, содержание которых говорит само за себя - «Община», «Быт», «Сон», «Человек «войны»», - рассказывается о насущных вопросах бытия, в которых он пытается разобраться с присущим ему мечтательно-нигилистическим взглядом на мир. (Все имена и фамилии вымышлены, совпадения случайны.) Содержит нецензурную брань.

© Октябрьский Е. В., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Октябрьский

Хорс: о чем молчит школа

... Имеет место быть случайная нелепость,
Ее мы называем – жизнь,
Она для нас загадка, крепость.
Средь триллионов звезд, и биллионов судеб,
На маленькой земле, как пепел из огня,
Осознанно творя, не вдруг, а вопреки,
Живут и умирают люди.

ЧАСТЬ 1

Община

1

Иван Николаевич Поздняков был мечтателем с детства, рос он в благополучной московской семье, мать его была журналистом, отец профессором одного из многочисленных московских университетов. Один ребенок в семье, обласканный вниманием и заботой, он был, был как бы- не от мира сего. Его с самого раннего детства увлекла физика, все свое свободное время он проводил в бесконечных экспериментах и опытах, он искренне не понимал, как остальные люди живут и не хотят понять и удивиться, тому величию и поразительным свойствам материи окружающего мира, которые понял он, и не перестает поражаться им. Учась в престижной московской школе, в отрыве от российской действительности, окруженный детьми состоятельных родителей – он мечтал! Мечта его была не оригинальна, давно она бродила по миру в поисках постоянного пристанища, заражая собой разум то одного, то другого сумасброда. Однако как белая ворона, она всегда была бита стаей эволюционных инстинктов и древних учений. И вот сейчас, уже старая и почти отчаявшаяся, она решила еще раз попытать свое счастье, немного потревожив пылкий ум очередного мечтателя всепоглощающим духом знания! Закончив престижный московский университет, он решил уехать из столицы и нести «свет в массы» в провинции, в маленький городок с градообразующим предприятием, от которого в советское время зависело все население этого городка. Его родная тетя была библиотекарем, в последней библиотеке этого городка. Чем-то они были похожи, она наотрез отказывалась от призывов сестры о переезде в Москву, упорно веря в силу художественной литературы изменить мир к лучшему и необходимости быть ближе к народу. Однако на дворе стоял двадцать первый век, а люди были как люди... Не то чтобы распроклятый вечный квартирный вопрос советско-российского обывателя наложил отпечаток безысходности на лица жителей этого городка, однако сурово-угрюмый вид его обитателей произвел сильнейшее впечатление на Ивана Николаевича с первых минут его пребывания в нем. Глубочайший отпечаток «вдохновения» оказал и ландшафтный дизайн стандартного российского провинциального городка. Но почему-то люди были согласны жить так как живут, и не задавать лишних вопросов. Он поселился у тети, в малогабаритной двухкомнатной квартире не стандартно- двухэтажного дома, с проходной кухней с совместным санузелом, центральное отопление еще теплело долгими зимними вечерами батареи этой квартирки, однако горячей воды не было уже лет десять, и тетке приходилось греть воду в тазиках, устраивая себе «банный день» раз в неделю. Из окна комнаты, которую выделила ему тетя, открывался вид на деревянные бараки стоящие метров в пятидесяти, с печным отоплением, общим уличным туалетом и помойной ямой на улице. Раиса Павловна-тетя нашего героя, уже давно жила одна, детей у нее не было, а поэтому она была несказанно рада приезду племянника. Она хлопотала уже третий день подряд, и не находила себе места боясь чем-нибудь не угодить ему. В этой маленькой квартирке она жила уже более сорока лет, по большой любви выйдя замуж за инженера который строил очередной завод в целях всеобщей индустриализации, их совершенно не заботило, где они будут жить, главное – чтоб вместе. Так они оказались в этом городе, точнее даже не городе, а проекте города, с заводом железобетонных изделий, который нужно было построить с нуля. Лингвист по образованию, она сначала работала учителем литературы в школе которую наспех построили для детей рабочих переезжавших сюда в поисках счастья со всех концов страны. Затем, когда поселок разросся, она пошла работать в местную библиотеку. Овдовев, она решила полностью посвятить себя работе, однако местное население не разделяло ее рвения и массово читать категорически не желало. Все чаще и чаще ее терзала мысль, «– а не ошиблась ли я, выбрав этот путь? Может все

таки нужно было остаться в Москве? После окончания института перспективы открывались огромные, свободно владев тремя иностранными языками я могла сделать хорошую карьеру, зачем я здесь? Что я изменила? Стал ли мир хоть чуточку лучше?»— И все чаще на ум приходили ответы на эти три вопроса – «я ошиблась; ничего; нет».

2

– Тетя Рая, а интернет у вас есть? – спросил Иван разлаживая вещи в своей комнате.

– По моему есть, надо у соседей спросить. – Было бы замечательно, я покажу вам возможности которые он дает, вы явно не останетесь равнодушной.

– У меня есть мои книги.

– Тетя Рая там есть такие книги, которых точно нет в вашей библиотеке, но которые вы захотите прочесть, по природе нашей семейной любознательности, поверьте мне – это клад.

– Ладно, посмотрим что там в твоём интернете хорошего. А ты уже был в школе?

– Нет пока, завтра пойду. А как тут у вас дела? Завод работает?

– Нет, что ты, распродали. А ведь такой завод был, Сережа главным инженером работал, сколько сил было вложено, сколько средств, а сейчас все прахом. Когда он меня сюда привез, на месте этого городка был лес, жили в бараке, который напротив стоит, да там и сейчас люди живут!

– Да, я заметил.

– А в конце восьмидесятых, когда развал начался, у него сердце и не выдержало... с тех пор я одна. Скажи мне Ваня, неужели везде так?

– Не знаю тетя Рая, сам себе этот вопрос задаю, приехал так сказать, увидеть все своими глазами, где работают люди? Как живут? О чем мечтают?

– Мечтают?! – она улыбнулась. – Кто-то из великих в древности сказал, – «хочешь вырастить рабов, лиши их мечты», – неужели ты думаешь, что что-то изменилось?

– Ну или хотя бы к чему стремятся?

– Ух Ваня, зря ты приехал сюда....

– Вы мне не рады?

– Да нет что ты, я прекрасно тебя понимаю, но боюсь ты повторяешь мои ошибки, о которых я давно пожалела.

– Да, но времена-то изменились и люди тоже.

– Я боюсь не в лучшую сторону.

– Что с вами? Я вас помню как человека который умудрялся найти в бочке с дегтем, каплю меда, и доказать всем, что это бочка меда с каплей дегтя; что с вами?

Это было сказано так искренне и доброжелательно, что Раиса Павловна решила пожалеть племянника и перевела разговор на другую тему.

– Как у родителей дела? Мама мне несколько раз звонила перед твоим приездом, по моему она сильно за тебя волнуется?

– Нормально; да она очень переживала, когда я решил ехать к вам.

Он умолчал о том, что мать плакала ночами напролет, после того как узнала, что он решил уехать, отец был показно нейтрален, но в душе также был резко против. Они оба были уверены в том, что сына ждет

большая карьера ученого, где-нибудь в Принстоне или Гарварде, они нанимали ему лучших репетиторов английского языка, и замечая успехи сына в точных науках, мысленно рисовали для него ту картину его жизни, которую они, в тайне для себя самих хотели прожить сами, «но почему-то» не смогли. И вдруг... «-мама и папа я уезжаю работать учителем». – Сложно представить их чувства, они знали характер сына и понимали, что отговорить его будет невозможно, тем более, что по его заверениям – «это будет полезный опыт, который пригодится мне в дальнейшем». Мать рисовала ему провинциальный ад, с нищенской заработной платой; преступностью, социальную неустроенность, и прочие «блага» провинции, но он был неумолим, и

только тихо и спокойно повторял –«успокойтесь, все будет хорошо»,– тем самым только подливая масла в огонь. Она пыталась найти хоть какие-то связи в этом городке, звонила сестре, расспрашивала ее о школе, в очередной раз пыталась переманить ее в Москву, сулила ей все блага столичной жизни, но все было безрезультатно. Матери снились кошмары, как ее сына избивают подвыпившие старшеклассники, или соблазняют старшеклассницы, она несколько раз вызывала скорую и хваталась за сердце, надеясь что сын передумает, но он твердо решил ехать. Когда были испробованы почти все способы, она немного успокоилась, – «прибежит через неделю».– думала она. – Провожала она его как на войну, на перроне перед отправлением поезда, она просто молчала, все уже было сто раз сказано. Отец крепко пожал руку сыну и произнес –«этой твой выбор Ваня, я надеюсь ты все обдумал», – когда поезд уже тронулся, а он махал им из окна купе, она полупшепотом и со слезами на глазах произнесла, –«береги себя сынок».

3

«Добро Пожаловать!» – Иван прочел приветствие над входом в школу, ниже разными способами написания, на разных поверхностях, разным шрифтом, была отображена реальность, – «ЗЛО» – самая крупная надпись раскрашенная черным мелом выделялась среди других, никто не обращал на них внимания, хотя раз в год директор все же старался проводить косметический ремонт фасада здания примыкающего ко входу. Но как грибы после дождя, новое «детской творчество» каждый раз появлялось на стенах школы.

–Здравствуйте, здравствуйте, проходите не стесняйтесь, извините еще раз, как ваше имя?

–Иван, Иван Николаевич Поздняков.

– Очень, очень приятно, а мы вас заждались, когда вы прислали нам ваше резюме, я даже не поверил, нам очень не хватает учителей, особенно учителей естествознания. Вы физик?

– Да.

– А сколько вам лет?

–Двадцать три.

–Это первая ваша работа?

– После института первая, не считая подработки.

– Ммдаа... – протяжно произнес Василий Васильевич.

– Ну ничего, ничего, когда-то надо начинать; еще раз, я Василий Васильевич Загорутко – директор этой школы, добро пожаловать в наш маленький, но дружный коллектив, мы вам рады. Я сам учитель биологии, заодно химию преподаю, нехватка кадров, ничего не поделаешь. А вы к нам надолго?

– Не знаю, надеюсь что да.

– Такой престижный московский университет, и к нам в наш маленький городок, какими судьбами?

– Надоела московская суэта, решил так сказать махнуть... ну и заодно набраться опыта непосредственно в провинции, посмотреть своими глазами.

– Да уж, насмотритесь, – полупшепотом произнес Василий Васильевич.

– В общем, я проблем не боюсь.

– Где остановились?

– Тетя у меня в вашем городке, живет одна, жилье есть.

– Ладненько, это замечательно. Тогда с завтрашнего дня и приступайте, а сейчас пройдемте в учительскую, я вас познакомлю с вашими коллегами. – Они вышли из кабинета директора. – Здание у нас небольшое, здесь раньше детский сад находился, затем за ненадобностью отдали под школу, нам вообще-то строили новое здание, вот оно, – Василий Васильевич указал в окно на недостроенное кирпичное двухэтажное здание стоящее неподалеку. – Но затем нагрянули перемены восьмидесятых и стройку заморозили, с тех пор все достроить не могут, а раньше мы ютились в деревянном бараке, спасибо хоть это вовремя достроили. –

Они прошли на второй этаж где находилась учительская. – Проходите не стесняйтесь, – директор открыл дверь и пригласил Ивана Николаевича пройти первым. – Вот позвольте представить, Иван Николаевич Поздняков, наш новый учитель физики, Степан Федорович – наш физрук, Ольга Александровна – учитель математики, Дмитрий Сергеевич – учитель литературы, а с остальными я познакомлю вас чуть позже, располагайтесь.

– Здравствуйте, очень приятно познакомиться, – громко произнес Иван Николаевич.

– Нам тоже, – вразброс ответили учителя.

– Вы откуда к нам ? – как будто не веря, на него с интересом смотрела женщина лет тридцати, строгого вида, которую директор представил как Ольгу Александровну.

– Из Москвы.

– «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов...», – произнес Василий Васильевич, иронично улыбаясь.

– Оригинально, – удивился Степан Федорович.

– Мне нужен опыт, – немного смущаясь, как бы пытаясь оправдаться, тихо произнес Иван Николаевич.

– «И опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг», – вставил Дмитрий Сергеевич.

– Здравствуйте, – на пороге появился пожилой, мужчина, среднего роста, лет шестидесяти на вид. Он был полностью сед, роговые очки, еще советского производства, серый аккуратный костюм, в сочетании со строгим взглядом, сразу выдавали в нем битого всеми перипетиями учителя.

– Здравсте, – тихо ответил Иван Николаевич,

– Это Иван Моисеевич, он также преподает физику, – быстро вставил Василий Васильевич.

– Иван Моисеевич окинул молодого коллегу взглядом, и слегка улыбнувшись, как бы вынеся вердикт, произнес:

– Очень приятно, какой класс возьмете?

– Я пока не знаю.

– Советую взять первый.

– Ну что вы, шутки шутить изволите, – перебил директор.

– Нисколько, по моему наблюдению первоклассники более любопытны, а значит и физикой они будут интересоваться больше чем остальные, в старших классах школа и окружение напрочь отбивает все любопытство у ребенка, а это чувство основа естественных наук.

– Как сказать, по моему в начальных классах, должны «зажечь искру», а мы подхватить ее и разжечь пламя, – мечтательно ответил Иван Николаевич.

– Вы прямо Плутарх, только действительность намного жестче, особенно наша российская действительность, и дети в ней тоже.

– Дети везде одинаковы, – вставила Ольга Александровна.

– Ну как сказать, вот вы например, преподавали когда-нибудь в детском доме? – возразил Иван Моисеевич.

– Нет.

– А мне приходилось. У них там свои законы, чтоб там выжить..., ну в общем, какая там к черту физика, так сказать – не до жиру, быть бы живу.

– Не везде же так.

– Там где я жил, везде.

– А почему? – робко спросил Иван Николаевич.

– Это я вам позже объясню, точнее вы сами поймете, в процессе работы.

– Сгущаете, сгущаете – пытался возразить Василий Васильевич.

– Ну, сытый голодного не разумеет, – ответил Иван Моисеевич. – Слишком уж у нас с вами большая разница в з... – тут Иван Моисеевич немного «поперхнулся». – В опыте, мое дело «сгущать», ваше «разводить».

– Иван Моисеевич, я вас попрошу, – резко перебил Василий Васильевич, остальные учителя молчали, но мысленно были на стороне Ивана Моисеевича.

– В общем все, на этом закончим знакомство, – пытаюсь перевести разговор в другое русло, подытожил Василий Васильевич. – С завтрашнего дня приступайте, для начала я думаю седьмой «б», первым уроком; а дальше посмотрим, до завтра.

– До завтра, – обведя взглядом учительскую, робко ответит Иван.

4

Иван почти всю ночь не спал, он мысленно перебирал все формулы седьмого класса, и не знал с чего начать и как правильно действовать, практика была, но это была практика в московской гимназии, с усиленным изучением физико-математических наук, там он чувствовал себя как рыба в воде, а здесь? – «Как быть здесь? С чего начать?» – Он решил начать с главного, он понимал, что детей нужно заинтересовать, а уже потом формулы, как универсальный язык природы. – «Так тому и быть» – ... и под утро заснул.

Кабинет физики был стандартных размеров, по шесть исписанных парт, в три ряда, с портретами ученых на стенах и коричневой доской. Первой мыслью Ивана Николаевича когда он зашел в него было – «физикой здесь и не пахнет», – хотя кабинет был предназначен именно для уроков физики. Он никогда не задумывался над этим, но почему-то именно сейчас именно эта мысль врезалась ему в голову, и разбилась об ученический опыт прошлых лет, как машина на краш-тесте об бетонный блок. – «Как в четырех стенах, унылого помещения, можно постигать основные законы природы, и что самое парадоксальное понять их?» – И только он начал мысленно искать выход из этого тупика, как дети начали входить в класс.

– Здравсте, здравсте, – здоровались они, окидывая взглядом Ивана Николаевича. – Новенький, ага, круто, старый достал, – полушепотом произноси они. – Иди на... – что-то не поделив между собой, ругались два семиклассника.

– Тихо, тихо, – робко произнес Иван.

Класс был небольшой, человек двадцать, прозвенел звонок, Иван Николаевич начал.

– Здравствуйте, меня зовут Иван Николаевич, я буду вести у вас физику, надеюсь я смогу сделать так, чтобы уроки были вам интересны, давайте познакомимся поближе, – и он начал по журналу перечислять фамилии, со стандартным выкриком – «я», – после завершения этой экзюкации, он спросил. – Предлагаю провести эксперимент, никаких оценок в течении месяца, кто за?

– И че двоек?

– Никаких.

– А родителям че скажем?

– Скажите, эксперимент.

– Клево.

– И че, идти можно?

– Куда?

– Ну оценок же нет, зачем учиться?

– Нет, учиться то будем, но без оценок.

– А в чем тогда смысл?

– Как в чем, в знаниях.

– А потом как, в конце четверти?

– Потом посмотрим.

– Давайте, мы согласны, – начали выкрикивать дети. – Пофиг че, – переговаривались они между собой.

– Ну что, решили?

– Мы согласны, – выкрикнули больше половины класса.

– Тогда начнем.

На дворе стоял январь, второе полугодие учебного года, дети уже изрядно устали от бесконечных формул, графиков и таблиц, большинству они ничего не говорили, но заучить их нужно было, заучить ради того, чтоб просто заучить, ради родителей, ради оценок. Иван Николаевич вовремя это понял, и это было его маленьким преимуществом. Нужно было начать с чего-то, что было близко и понятно всем, и в тоже время, это все должны были видеть и ощущать.

– Солнце, – произнес он. – Что такое наше Солнце?

– Звезда – выкрикнули почти все хором.

– А сколько ему лет?

– Миллион, миллиард, – выкрикивали дети вразнобой. – Пять тысяч пятьсот восемь, – вдруг очень серьезно произнесла девочка на задней парте. – Мне папа и мама говорили, что бог сотворил мир пять тысяч пятьсот восемь лет назад, и Солнце тоже.

– Это очень спорно, – ответил Иван Николаевич. – Наука придерживается другого мнения.

– Наука не права, – вдруг очень резко ответила она.

– Кто еще так считает? – спросил Иван Николаевич.

– Человек пять подняли руки.

Он ожидал чего угодно, но только не этого.

– Хорошо, кто против?

– Да нам все равно, зачем нам? – выкрикнул кто-то.

– Но ведь благодаря Солнцу на земле свет и тепло, и в конце концов – жизнь.

– Вы не правы, – возразила все та же девочка на задней парте. – Благодаря вездесущему богу есть жизнь.

– Но сейчас мы в школе, а наука придерживается иной точки зрения, – очень мягко возразил Иван Николаевич.

– Школа это от людей, – ответила она.

Ивана Николаевича готовили ко многому, он мог с легкостью поддержать философский диспут об отношении Шиллера к Гегелю, но он не был готов к тому, что четверть седьмого класса будет считать, что Солнцу пять тысяч пятьсот восемь лет, а остальным будет глубоко плевать на это самое Солнце, если за это не будут ставить оценок.

– Как тебя зовут?

– Ольга.

– Оля, я очень надеюсь, что в процессе изучения физики ты поймешь, что Солнцу не может быть пять тысяч пятьсот восемь лет, а после...

– А после конец света, – резко перебила она его.

К такому повороту, Иван Николаевич точно не был готов, он сел на свое место, и попытался успокоиться. Что было самое удивительное, остальные дети молчали, и даже не смотрели в ее сторону, как будто уже привыкли к подобному. Он понял – спорить бесполезно, но при этой мысли, первый раз за всю его не долгую жизнь у него появилось то чувство, которого не пожелаешь и врагу, если сказать что это чувство опустошения и апатии – не сказать ничего. В классе стояла полнейшая тишина. В голове у него был лишь один вечный вопрос – «что делать?» – Собравшись, он решил продолжать:

– Хорошо, поговорим в другой раз; ну и как, кто-нибудь знает сколько лет Солнцу согласно научным данным? – ответом было молчание. – Так вот, нашему Солнцу около четырех миллиардов лет, и оно находится, что называется – в расцвете сил, то есть, оно будет светить примерно еще четыре миллиарда лет. Вся жизнь, что существует на земле благодаря Солнцу,

но оно лишь одно из примерно ста миллиардов звезд нашей галактики – Млечный путь. Когда я первый раз услышал эти цифры на экскурсии в планетарии мне было десять лет, тогда я твердо решил изучать физику и астрономию, ведь эти цифры не могут не поражать.

– А вы сегодня спрашивать будете? – раздалось с первой парты.

– Нет.

– А завтра?

– Не знаю, а что?

– Иван Моисеевич каждый урок нас спрашивал и оценки ставил.

– Ага, и двойки тож, – добавил кто-то.

– Нет, первые две недели мы познакомимся поближе, затем посмотрим.

– Клево, – раздалось отовсюду.

– Итак, во первых, я хочу чтоб вы поняли, что физика это не непонятные формулы на доске, а попытка человека осмыслить законы природы, и выразить их математи...

– Пошел в жопу придурок, ты ща получишь... – то была ссора двух учеников.

–Тихо, тихо- попытался унять их Иван, если честно он не понимал как действовать в таких случаях, он был среднего роста и среднего телосложения, и ссорящиеся семиклассники были чуть меньше его, в случае более серьезного столкновения он не смог бы сделать ничего чтоб разнять их, а все к этому и шло.

– Ну все тебе....., – угрожал один другому.

– Пошел на х.., – вдруг тот, которого послали резко встал и направился к обидчику.

Вспышка сверхновой звезды поразила бы Ивана меньше, чем происходящее сейчас в классе, вдруг в класс ворвался Иван Моисеевич и жестким все потрясающим окриком остановил идущего в атаку семиклассника.

– Так, Семенов успокойся, Рогов, я тебя предупреждал, вышли оба из класса.

– А че я то, это он.

– Сейчас со мной к директору оба, извините Иван Николаевич, – дверь захлопнулась за ними, поставив жирную точку в первом педагогическом опыте молодого мечтателя. Никогда в своей жизни Иван Николаевич не ждал с таким нетерпением окончание урока как сейчас, он что-то робко мямлил про гравитацию, Ньютона, и тому подобное, но как говорится «искры» уже не было. Прозвенел звонок.

– Все свободны, – чуть слышно произнес Иван.

Он шел в учительскую совершенно не понимая, как возможно то, что произошло двадцать минут назад. Нет, конечно и московской гимназии возможно нечто подобное, но он чувствовал, что это лишь верхушка айсберга. Вдруг откуда то сзади он услышал:

– Эй красавчик, а частные уроки физики вы преподаете?

Позади него стояли несколько старшеклассниц которые еле сдерживали смех, он сделал вид что не расслышал и пошел дальше.

– Москвич?

– Да, да из Москвы... – послышалось позади.

Иван Николаевич сидел совершенно разбитый в учительской когда к нему подошел директор и спросил:

– Как ваш первый урок?

– Нормально, – ответил Иван.

– А по вам не скажешь, ничего, все когда -то начинали, потом втянитесь, оботретесь.

– Я хотел поговорить с вами Василий Васильевич, тут девчонка, Ольга зовут, она... как вам сказать...? Она всерьез мне заявила что Солнцу пять тысяч пятьсот восемь лет, школа мол от людей, и прочее, проблема в том что она всерьез в это верит, вы когда-нибудь сталкивались с подобным?

– До поры до времени не сталкивался, но времена меняются, а с ним и люди, что поделаешь, вы с ней поаккуратней пожалуйста, пусть себе верит.

– Но я думаю она очень влияет на одноклассников, не только она, пять из двадцати учеников седьмого класса верят в это.

– Ну что вы, что вы, – ответил директор. – Дети принимают все близко к сердцу, пройдет время поймут.

– Извините, что они поймут? – возразил Иван Николаевич. – По моему с возрастом только усугубится, нужно объяснять сейчас, иначе...

– А что будет иначе? – резко перебил его директор. – Иначе попробовали, не получилось, ничего не поделаешь, человек есть человек, ему надо во что-то верить.

– Это как сказать, не всем и не всегда.

– Пока мы имеем то, что имеем, большинство хочет верить, пусть, это их дело, человек слаб Иван Николаевич, пока вы молоды в вас все кипит, вам хочется верить в человечество и прогресс, с возрастом это проходит, мне то уж точно поверьте и не обращайтесь на нее внимания.

– Во-первых не у всех, как вы выразились – «проходит», а во-вторых, она влияет на остальных детей, почему-то ей не смел никто возразить, когда она выдвигала свои предположения.

– Я вам даю хороший совет Иван Николаевич, хотите работать в нашей школе, не обращайтесь внимания на Летину Ольгу, я все сказал. Следующий ваш урок будет завтра, в десятом классе, будет немного сложнее, до свидания, – директор вышел.

– До свидания, – Иван Николаевич сидел молча, когда в учительскую вошел Иван Моисеевич.

– Ну как вы? – спросил он.

– Нормально, спасибо вам, вы меня выручили сегодня, я даже не знаю, как действовать в подобных ситуациях; как это вы вовремя вошли?

– Поработайте с мое, узнаете.

– А что с ними будет?

– С кем?

– С этими двумя.

– Да ничего, стандартные бесполезные процедуры: родители, директор.

– Я вас хотел спросить, тут девчока одна..

– Понятно, Летина? У нее отец глава нашей администрации, директор пляшет под его дудку, тут беда полная, на мой взгляд девчонка волевая, умная, но кто-то имеет большое влияние на нее, – даже не дослушав, но сразу поняв о ком идет речь, ответил Иван Моисеевич.

– Родители наверное.

– Возможно мать, кстати, я хотел вас спросить, вы верующий?

– Нет, – ответил Иван Николаевич.

– Я тоже; так вот, насчет Летиной, ее мать часто посещает местную общину, мало того она часто отпрашивает дочь, они постоянно навещают местного, так называемого – старца, тот еще тип я вам скажу, по-моему сидел раньше. Короче говоря, директор с ней предпочитает не связываться, молча проглатывая все ее выходки, многие учителя тоже, у многих семьи, живем как-то так.

– А вы?

– Я пытался, но обстоятельства сильнее. Да и у меня семья, я не всемогущ, в этом случае нужно действовать по другому.

– Как?

– Не знаю пока, но я думаю так: если ребенок пытлив и пытается разобраться в окружающей действительности, то рано или поздно она поймет что к чему. Я считаю что самое страшное это не пылкая вера или воинствующее неверие, самое страшное это абсолютное без-

различие к подобным вопросам, эдакое аморфно-нейтральное мнение – куда все, туда я. Я не говорю сейчас о религиозном фанатизме, это особый случай. Что касается Летиной, поверь моему опыту Ваня, при ее характере, лет через десять, она будет с содроганием вспоминать то, что она тебе сказала на сегодняшнем уроке, наша задача состоит в том, чтоб не убить у нее желание познавать этот мир, и не более.

– Я думаю не все так просто, но в общих чертах вы наверное правы.

– Если честно я спокойно относился к подобным вопросам, но то, что происходит сейчас, заставляет серьезно задуматься.

– А что у вас происходит?

– Давайте не все сразу, пооботрешся, увидишь, сам рассудишь, я вам свою точку зрения скажу позже.

– Вдруг дверь учительской резко распахнулась, и с криками. – «Где она?» – ворвался учитель литературы Дмитрий Сергеевич.

– Кто она? – переспросил Иван Николаевич,

Дмитрий Сергеевич внимательно оглядел учительскую, потом вполголоса и прищуривши левый глаз произнес:

– Все ясно... – и также стремительно покинул учительскую.

– Не обращайтесь внимания Иван Николаевич, это бывает, – Иван Моисеевич как ни в чем не бывало наливал себе чай. – Чайку будете?

– Нет спасибо, а кого он искал?

– Жену свою, Ольгу Александровну, учителя математики...

5

Идя домой после первого рабочего дня, и перебирая в мыслях все произошедшее, Иван задавал себе вопросы, которые задает себе любой учитель, искренне пытающийся пробудить в детях жажду к познания. – Почему их не тревожат те вопросы, которые с детства не давали покоя мне; откуда все? И почему все устроено именно так как есть? Неужели большинство готово довольствоваться средневековыми объяснениями происхождения мира, и почему оно готово на это? Почему большинство вообще не задает себе этих вопросов, а если и задает, то побыстрее старается заглушить их, благо на протяжении веков, люди выдумали тысячи способов побега от существующей реальности.

– «Правей давай, куда б.ть, вот так крепи...» – это были крики рабочего, управлявшего двумя другими, стоящими на двух длинных лестницах и пытавшихся закрепить баннер, на нем был изображен «параллельный мир» для большинства жителей этого городка. Баннер этот был размером примерно пять на три метра, крепился он на стену какой-то заброшенной хрущевки зиявший глазницами пустых окон. Яркое пятно, посреди серой и беспросветной жизни, с улыбающейся белозубой девушкой на баннере, обещали людям то, чего они «больше всего хотели». – «А чего больше всего хотят люди?» – подумал Иван, – «наверное эмоций, ярких эмоций, какая там к черту наука, она побочное действие от таблетки под названием – эмоция, которая призвана сгладить невыносимую легкость бытия. А если еще приплюсовать сюда и цель, общую цель, ту по достижению которой человек получит пряник, тогда можно сделать многое... Люди не будут обращать внимание на эту развалившуюся хрущевку, общий бардак, и задавать вопросы – «а почему мы так живем?», они будут видеть красивую картинку, и желать... а так ими легче управлять».

– Привет тетя Рая, как дела? – придя домой, поприветствовал Иван тетю.

– Хорошо, как прошел твой первый рабочий день?

– Нормально.

– Садись поужинай.

На маленьком столе, стояли несколько тарелок прикрытые чистыми кухонными полотенцами, Иван аккуратно убрал их и увидел ту, очень важную сторону быта, которая испо-

кон веков является краеугольным камнем существования человека. Ради которой люди каждое утро переламывая себя заставляя поднимать голову с мягкой подушки идти на работу, или создавать для других людей работу, а иных, имитировать бурную деятельность на работе; короче говоря ситуации разные, но цель одна – пропитание. И чем беднее страна в которой живет человек, тем больше усилий или часть от заработка он тратит на пропитание. Если сытый человек может в свободное время порассуждать о вещах не связанных с пропитанием, то голодный человек вынужден все время думать о том, как накормить себя и детей. Короче говоря, если сытый человек может изобрести ядерную бомбу или адронный коллайдер, то голодный только разобрать этот коллайдер на цветной металл. Но есть одна проблема, сытыми людьми сложнее управлять, а голодному достаточно пообещать лучше кормить его. При помощи современных технологий изобретенных сытыми, еды стало много, конечно не всегда высокого качества, но голодному не до качества, ему главное количество и он будет боготворить того, кто якобы дал ему пропитание, неустанно трудясь на «благо общества».

Конечно и в этот маленький городок докатилось эхо современного быта, но в данном случае сочеталось то редкое свойство описанное в сказке «каша из топора», когда имея очень скромные возможности, умение и желание изысканности творят чудеса. На столе стояли семь тарелок, но Ивану они показались семью чудесами света. Посередине стояла тарелка с только что сваренной картошкой, наверху понемногу таял маленький кусочек сливочного масла, все это было посыпано зеленью. Рядом стояла тарелочка с мелко нарезанной и очищенной сельдью, перемешанной с репчатым луком, собственно сам репчатый лук порезанный полукольцами и сосем немного приправленный растительным маслом, был украшением третьей тарелки. Главным блюдом была немного поджаренная гречневая каша, все с тем же луком, морковью и зеленью. Хлеб, варенье и домашняя овощная приправа, умело сервированные, нарезанные и приготовленные наверняка бы заслужили трех звезд Мишлен, если бы оценивались по категории возможность-качество.

– Ваня извини, мне тебя и покормить то нечем.

– Ну что вы тетя Рая, по моему это шикарно.

Вдруг с улицы раздался отборный мат, который был слышен даже при плотно закрытых окнах, Раиса Павловна выглянула в окно, на улице происходила стычка подростков.

– Ты кто такой? Кто такой я спрашиваю? – перепалка происходила между двумя подростками лет шестнадцати, еще несколько стояли рядом.

– Опять Сенгеенко, наверное надо вызывать милицию, – с тревогой сказала Раиса Павловна.

– Зачем? Сейчас разойдутся.

– Не думаю, там где Сенгеенко там драка или поножовщина, по моему или он сядет, или его убьют, третьего не дано. Надо же, а такая семья была... родители умерли, бабушка взяла его, все в него вложила, он кстати учится в твоей школе, ой опять, я же говорила, вызывать надо....

Минут через тридцать Иван стоял на улице и разговаривал с полицейским, он еще не до конца осознал что произошло, но отступить было поздно, да он и не хотел.

– Да, да я ручаюсь за него, я все видел, он заступился за девушку.

– Вы значит свидетель будете?

– Да.

– Еще раз, поподробней, можете описать случившиеся?

– Конечно, я прибежал сюда вслед за моей тетей и увидел у пострадавшего в руках нож.

– А девушка откуда шла?

– Не знаю, она тут уже была, кричала, плакала.

– Объясните мне пожалуйста, гражданин...

– Поздняков, Иван Николаевич Поздняков.

– Так вот, как получилось так, что у пострадавшего в руках был нож, а у подозреваемого ничего, но ножевая рана у пострадавшего?

– Я точно не разглядел, по моему он его выбил камнем, или нет..? Он кинул камень в грудь пострадавшему, и воспользовавшись временным преимуществом, выбил его из рук пострадавшего.

– Чем?

– Ногой.

– А когда он его в руки взял?

– Когда те вчетвером на него пошли.

– И?

– Что и?

– Кто напал первый?

– Тот.

– Кто тот?

– Пострадавший.

– А вы точно все разглядели? Мы ножа нигде найти не можем.

– Был нож.

– А вы девушка видели нож?

– Я точно не разглядела, я перепугалась очень.

– Товарищ лейтенант, да какая там ножевая рана, так царапина на руке, он в основном руками отбивался, я сам первую помощь оказывал, рана не опасна, – вступился Иван.

– Ну это мы разберемся, этот Сенгеенко у нас вот уже где, – лейтенант он показал рукой у горла.

– А что с ним будет?

– Не знаю. Девушка подойдите пожалуйста, кем вы приходитесь пострадавшему?

– Никем, я Сашу знаю, а этих четверых почти нет.

– Вы имеете ввиду нападавшего?

– Да, но он не нападал, это они, они были пьяны.

– Откуда вы знаете нападавшего?

– Он из моей школы.

– Вы были с ним?

– Нет, я шла одна домой.

– А что они от вас хотели?

Сначала девушка немного смутилась, затем посмотрев прямо в глаза лейтенанту сказала:

– А что хотят четверо пьяных шестнадцатилетних подростка, с прошитыми глупостью мозгами, которая внедряется в их сознание с малого детства, осложненным игрой гормонов и усугубленным алкоголем поведением?

Лейтенант наморщил лоб и посмотрел на Ивана, затем перевел взгляд на девушку, сдвинул набок шапку, и выдал фразу, которую Иван запомнит на всю жизнь.

– Наверное познакомится хотели... – затем поняв что ляпнул что-то не то, выдал более стандартное и выручающее во всех случаях жизни. – Разберемся.

– Отпустите его, он не виноват.

– Они все не виноваты. Гражданин Поздняков, я записал ваши координаты, мы вас вызовем, а вас гражданка....

– Левнова, Елена Левнова.

– Гражданка Левнова, прошу проехать с нами, мы вас на долго не задержим, процессуальная необходимость.

– Спасибо вам, меня зовут Лена, пожалуйста не меняйте показаний, – обращаясь к Ивану, просила девушка. – Иначе его точно посадят.

–Хорошо.

Погрузив всех в одну машину, так и нет найдя ножа, лейтенант сел в старый уазик с надписью – «полиция», и направился в отделение.

Все это время чуть позади стояла Раиса Павловна, это она после того как вызвала полицию сразу бросилась на улицу пытаясь всеми силами предотвратить поножовщину, она кричала, ругалась, даже пыталась угрожать якобы имевшимся у нее оружием, она понимала, что никогда не простит себе, если сейчас здесь умрет один шестнадцатилетний подросток, а другой станет убийцей. Иван выбежал чуть позже, он вообще не понимал что делать, пытался оттащить тетю, кричал что-то, но все тщетно, дерущимся было до них абсолютно все равно, в них проснулся древний инстинкт -«ты, или тебя», и вялые возгласы миротворца были подобны жужжанию пчелы возле Неогарского водопада, как вдруг...

– Ну-ка разошлись на х.й, ато сейчас всех положу, – раздался выстрел, все участники драки мигом замерли на своих местах. Возле них стоял пожилой мужик в майке и обвисших трениках с ружьем в руках. – Разбежались кобели мохнатые, и на землю, на землю я сказал, мордой в пол, -это было сказано так убедительно, что Иван приподнял руки и также замер на месте, вдруг миротворец с интонацией присущей влюбленному юноше на первом свидании, обратился к Раисе Павловне. – Раиса Павловна, кто этот молодой человек возле вас?

– Мой племянник.

–Ясно. Что вы ей богу раздетая на морозе, идите домой пожалуйста, а вы молодой человек, окажите пожалуйста первую помощь, вон тому щенку с порезанной рукой, ментов вызвали?

– Да.

– Ну тогда ладненько.

6

У деревянных бараков стоявших напротив двухэтажного дома Раисы Павловны давно истек срок эксплуатации. По плану строителей коммунизма, они должны были послужить временным жильем для строителей завода, однако, как говорит народная мудрость –« нет ничего более постоянного, чем временное». Контингент жильцов которые заселяли эти бараки был очень разношерстным, там жили как пропившие последнюю рубашку алкоголики, так и забытые жизнью интеллигенты-романтики, приехавшие сюда по зову партии и сердца для строительства светлого будущего. Александр Аркадьевич Ткачук не относился ни к тем, ни к другим, он был сам по себе, служил он всю свою до пенсионную жизнь в органах внутренних дел. Приехав сюда молодым лейтенантом, дослужился он лишь до майора, так как отличался честностью, принципиальностью и не умением угождать начальству. Жил он только на жалованье, поэтому все, что он нажил к шестидесяти с лишним годам, были старые жигули, охотничье ружье и однокомнатная квартира в бараке. Конечно в былое время можно было что называется – «побегать», тогда возможно его быт сложился бы иначе, но как только Александр Аркадьевич представлял все мытарства связанные с прошением у чиновника, он мысленно посылал всех куда подальше и продолжал ютиться к своей не благоустроенной однокомнатной квартирке. К семейной жизни он относился как к большой лжи и не понимал; зачем уже ненавидя друг друга, люди продолжают жить вместе? Неужели только ради детей и не возможности найти себе другое жилье?– «Раз так», – думал он,– «я уж как-нибудь один». – Тем более что та, к которой он был не равнодушен, была женой его лучшего друга. Раису Павловну он знал давно, с ее мужем Сергеем он познакомился еще до приезда в этот город, и с тех пор как он умер они как могли помогали друг другу. Александр Аркадьевич всегда боялся признаться самому себе, что он любил Раису Павловну с молодых лет, порой он ненавидел себя за это, старался держаться от нее подальше, и всячески избегал встреч. Прошло «это» только годам в шестидесяти, точнее не прошло, а место обожания и желания обладать, сменилось на глубочайшее уважение и желание помогать.

Еще одной причиной по которой он плевать хотел на все блага жизни, была и проста и сложна одновременно: Александр Аркадьевич в душе был художник. Втайне от всех он писал картины, тем сильнее храня эту тайну, чем больше с возрастом он узнавал людей. Часто задавая себе вопрос, – «как прожив шесть с лишним десятков лет, побывав несколько раз в горячих точках, увидев всю сущность человека изнутри, не веря ни в черта, ни в бога, он не пустил себе пулю в лоб?» – Что его держало на этом брошенном в бесконечном пространстве черной бездны островке жизни под названием – Земля? Быть может осознание им парадоксальности факта разумного существования и отлаживала сей неизбежный финал на неопределенный срок.

Он сам все уладил с приехавшей полицией и попросил лейтенанта не сильно «наседать». Когда всех увезли в отделение, а Раиса Павловна пошла пить валерьянку, Александр Аркадьевич обратился к Ивану:

– Вы меня извините, – оправдывался Александр Аркадьевич перед Иваном. – Пришлось немного пошуметь, Раиса Павловна мне очень много о вас рассказывала.

–Ничего, а вы не замерзнете?

– Нет; хотя и вправду неудобно так вот, пришлось поторопиться, ничего не поделаешь... Раз все более менее улеглось, я пойду.

– Спасибо, а вы не знаете, что будет с этим пацаном?

– С каким?

– С тем, которого обвинили в нападении.

– Если у того, которого порезали фамилия Гизурин, а по моему это он и был, тогда большие проблемы у пацана, отец у пострадавшего большой местный воротила, он этого так не оставит, боюсь не сел бы.

– Но я все видел, этот Гизурин первый напал.

Александр Аркадьевич улыбнулся.

– Извините, забыл представиться, Александр Аркадьевич, пенсионер, всю жизнь прослужил в органах внутренних дел, был другом Сергея, мужа Раисы Павловны.

– Очень приятно, Иван племянник...

– Да я знаю, она вас очень ждала.

– А вы видели происходившее? Вы можете подтвердить?

– Нет, я к сожалению не видел, прибежал на крики, но я вам верю.

– Спасибо, – в это время уже одетая вернулась Раиса Павловна,

– Саша спасибо тебе, это по моему сын Гизурина был? Бедный Сенгеенко, жалко, посадят его.

– А вы Раиса Павловна точно видели что первый нож достал Гизурин?

– Я очень сильно переволновалась, не увидела, по моему у Сенгеенко ножа не было в начале драки.

– Если отец узнает что его сынка пытались порезать, он посадит этого пацана, и я ничем помочь не смогу. Тут надо действовать иначе.

– Как?

– Как говорят дипломаты – «использовать иные рычаги воздействия».– Посмотрим, очень приятно было познакомиться Иван.

– Мне тоже.

– До свидания Раиса Павловна, до встреч, – он попрощался и пошел домой.

Вечером обсуждая все произошедшее Ивану пришло в голову, что за всю его жизнь в Москве у него не происходило того, что здесь произошло за день.

– Да уж, – заметила тетя. – На ловца и зверь бежит, ничего, как говорят в народе, все устаканится. У тебя завтра урок есть?

– Да, десятый класс.

7

Постепенно в класс стали заходить десятиклассники, они уже знали, что физику у них будет вести новый учитель приехавший из Москвы. Иван Николаевич сидел глубоко о чем-то задумавшись, как вдруг услышал:

– Здравствуйте, вы меня узнали? Я Лена, Лена Левнова, мы вчера с вами познакомились, вы меня помните?

– Конечно, здравствуй. Ну как вчера разобрались в полиции, отпустили хулигана?

– Нет, отец Гизурина вчера лично в отдел приезжал, о чем-то долго говорили с их начальством, короче говоря, посадят они Сашу, кстати, он в этом классе учиться. Гизурин по моему с вами о чем-то хотел поговорить когда ему сказали что есть свидетели, мол его сын первый напал, он сказал что со свидетелями поговорит лично, вы поаккуратней с ним если он к вам приедет, по моему он не вменяемый, – слезы катились у нее по щекам. – Я даже не знаю что делать, он и на меня вчера орал прямо в отделе.

– Успокойся не плачь, разберемся как-нибудь, иди садись на свое место.

Когда она шла к себе за парту, в ее адрес от одноклассниц посыпались шутки.

– Ну что Левнова как он? Ты уже того? А с виду тихоня, – не обращая на них внимание она села за парту.

Когда раздался звонок, Иван начал.

– Здравствуйте, меня зовут Иван Николаевич Поздняков, я буду вести у вас физику.

– Здравствуйте... – ответили ему вразброс.

В середине учебного года они уже были изрядно измучены и подавлены, в глазах у них читалось. – «Да пошла твоя физика куда подальше...», – но древний страх наказания, заставлял их посещать уроки, и уж точно «тяга к знаниям» не воодушевляла их, потому что этой тяги не было. Он понимал, что если он сейчас начнет им рассказывать о тайнах электромагнетизма, приводить сухие формулы с окриками о дисциплине, пугать их очередной контрольной оценка за которую повлияет на итоговую годовую, ничего кроме желания заснуть на уроке это не вызовет.

– Как вы думаете, – начал Иван. – Как коротка человеческая память?

Десятиклассники не понимая о чем речь молча переглядывались.

– Проведем мысленный эксперимент, представьте, девятнадцатый век Россия: вы молодая пара из крестьянской крепостной семьи, вам восемнадцать, невеста ваша ровесница, вы безумно любите друг друга, родители благословили, свадьба сыграна, наступает время первой брачной ночи, но... – барин, он же ваш хозяин, распоряжается отвести невесту к себе в покои – право первой брачной ночи..., кто из присутствующих молодых людей отнесся бы к этому равнодушно? – Иван заметил оживление. – Деваться некуда – вы никто, ваш хозяин имеет полное право распоряжаться вами как ему вздумается, семья создана – рождается ребенок. И если найдутся люди которые начнут спорить с приведенным выше примером, то следующий факт подтвержден официальной статистикой. Сорок процентов – почти половина. В начале двадцатого века доля младенческой смертности в нашей стране составляла сорок процентов, кто знал эту цифру? – все молчали. – Допустим вы выжили... какова ваша дальнейшая судьба?

– Зато в школу не нужно было ходить, – выкрикнул кто-то.

– Школу вам заменили бы другие обязательные учреждения. Кто сейчас голоден?

– Все сытые, – со смехом ответил кто-то.

– Вспомните, когда вы последний раз были по настоящему голодны? Только это чувство вы испытывали бы не время от времени, а почти каждый день. Основной вашей повседневной задачей являлось бы не хождение в опостылевшую школу, а проблема утоления голода. А если будет голоден ваш ребенок? – «мама дай есть» – со слезами на глазах просит он вас. – «Потерпи» – отвечаете вы ему, утирая у краткой слезы на глазах, и от безысходности готовы

отдать ему последнюю кусок хлеба – которого нет. Проблема голода относительно отступила лишь в последние десятилетия, как и проблема эпидемий выкашивающих целые города...

– А причем здесь физика? – резко перебили его.

– Не причем... во всех вышеперечисленных примерах она, как и другие фундаментальные науки – не причем, как и очень короткая человеческая память – не причем. Какие-то сто с лишним лет назад, все это ждало вас почти со стопроцентной вероятностью, к каким бы классам общества вы не относились – она здесь не причем. Ей вообще плевать на человека, есть он, или нет. Законы природы которые изучает физика, будут их изучать или нет, не изменят своих констант. Не изменят своих констант и те люди, которым выгодно чтобы школа отбивала у вас все желание изучать эти самые законы, преподнося их в самом извращенном виде, в надежде на свою «первую брачную ночь ...» – он оглядел класс, изумленные десятиклассники сидели молча, не до конца понимая его намеки. – «На сегодня хватит революций мышления», – подумал Иван. – Итак, каждый делает выбор сам, со своей стороны я постараюсь чтобы вам не было скучно на моих уроках. – Оставшееся время пролетело незаметно, как только прозвенел звонок, класс быстро опустел. – Память человеческая слишком коротка, – повторил Иван вытирая доску, но почему?

– Наверное это обусловлено эволюцией, мы должны забывать свои прошлые беды, иначе мы сойдем с ума, – на пороге класса стоял Иван Моисеевич.

–Быть может, – обернувшись ответил Иван. – Но это же может и погубить нас.

– Я слышал у вас вчера после школы какой-то инцидент был?

– Да, к сожалению, а кто вам сказал?

– Из полиции директору звонили, по поводу Сенгеенко.

– Да я все видел, драка происходила у меня под окнами, я свидетель. В общем, он не виноват, он заступился за одноклассницу, она кстати подходила ко мне перед уроком. Эти четверо были пьяны и начали к ней приставать, я не разобрал, откуда там взялся Сенгеенко, но я так понимаю, он не был с ними в одной компании.

– Жаль пацана, он кстати до десятого класса был круглым отличником, на районных олимпиадах по физике и математике всегда побеждал, очень много читал, занимался спортом, но затем что-то произошло, начал вести себя своеобразно.

– Как это?

– Ну например, мог посередине урока взять собрать вещи и уйти из класса, может учителю в глаза сказать, что его методы преподавания достойны пыток немецких концлагерей времен второй мировой войны, правда у меня на уроках этого не было, но остальные учителя натерпелись. Или еще вот что, придумал практику параллельных уроков.

– Каких уроков?

– Встает посередине урока химии, и говорит, -« Все хватит писать бессмысленные формулы на доске, они их все равно не понимают», – затем он обращался к одноклассникам. -«Если кто хочет понять эту тему, приглашаю вечером ко мне в гараж, я вам все на практике покажу», – затем выходил из класса.

– И как, показывал?

– Да уж, показывал; я не знаю где он добывал нужные реактивы, но по рассказам, опыты он проводил профессионально и доходчиво. Кстати, химию он экстерном сдал, за восьмой и девятый класс, как Загорутко не сопротивлялся Сенгеенко дошел до районного начальства, и добился своего. Директор его не исключает только поэтому.

– В смысле?

– Он победитель всех районных олимпиад по физике, химии, и математике за предыдущие два года, но в этом году он отказался в них участвовать, я пытался с ним поговорить, но он меня не как будто не слышит, его единственным ответом было. – «Посмотрите вокруг, и вы все поймете сами», – стал постоянным участником драк, в общем – где он – там жди чего-

нибудь. Он по моему с бабушкой живет, короче говоря, картина стандартно-нестандартная, но пацана жалко.

– Я не знаю Иван Моисеевич, прав ли он был в своих предыдущих приключениях, но вчера он заступился за однокласснику.

Вдруг в пустом коридоре возле закрытой двери раздалась еле сдерживаемая ругань, между собой ругались мужчина и женщина.

– Где ты была?– спрашивал мужской голос.

– А тебе какая разница? –отвечал женский.

– Что ты делала в спортивном зале, ты учитель математики?

– Я, я проверяла свой класс, на них часто жалуется Степан Федорович.

– Не ври мне, твой класс давно вышел из спортзала.

– Я разговаривала с ним по поводу их успеваемости.

– Успеваемости? Успеваемости по чему? По физкультуре?

– Да, а что, оценка по физкультуре не идет в аттестат? Мой класс выпускной, я должна за них беспокоиться.

– За себя побеспокойся...

– Ты мне угрожаешь?

– Ну что ты, ты сама себе угрожаешь...

–Кто это ? Может нам лучше выйти? –спросил Иван.

–Опять- протяжно сказал Иван Моисеевич.

–Что опять?

– Имеет место быть сцена ревности мужа к жене, там Дмитрий Сергеевич с Ольгой Александровной отношения выясняют на перемене.

– Тогда нам лучше дать знать что мы их слышим.

– Без толку, им все равно, хотя ... мы можем пройти ко мне в кабинет, у меня небольшой перерыв, тем более что я хотел с вами поговорить.

Они вышли из кабинета и как-будто не замечая перепалку в коридоре прошли в кабинет Ивана Моисеевича, который находился на этом же этаже.

–Проходите сразу в подсобку Иван Николаевич, не стесняйтесь, я через пять минут буду.

Иван зашел в святая святых учительского кабинета, место где учителя мысленно и не только материли учеников, не понимая как можно не интересоваться их предметом и поражаясь как дети могут не понимать тех азов, которые нужно знать абсолютно всем.

Немного погодя зашел Иван Моисеевич, он внимательно посмотрел на молодого коллегу, затем заложив руки назад, стал медленно рассказывать вдоль комнаты. Эта немая сцена немного насторожила Ивана.

– Да вы садитесь не стесняйтесь, чайку будете?

–Нет спасибо.

– Послушайте Иван Николаевич, я вот что вам хотел сказать, – он выдержал паузу. – Вы только не обижайтесь и поймите правильно, видите ли, дети как бы сказать..., короче говоря, этого делать нельзя, по крайней мере, не здесь и не сейчас.

– Что вы имеете ввиду?

– Я насчет вашего эксперимента с оценками, седьмой класс уже всей школе рассказал, что новый препод – как они говорят, оценки ставить не будет.

– Да, но это лишь эксперимент.

– Но они то расценивают это как слабость. Вы поймите, я приветствую любые подобные начинания и понимаю, что двойками детей не заставить учиться, но я вас уверяю, вы выбрали не то место и не то время.

– Но я подумал, что если попробовать...

– Да я согласен, старый метод устарел, но поймите правильно, раз уж так все пошло, давайте напрямик. Проработав много лет в школе, я выработал для себя особую методику обучения и понимания учебного процесса, скажу одно, посадить скопом, тридцать совершенно разных детей в одном классе, и заставить постигать мысли и творения величайших умов – дичайшая глупость. Да, возможно кто-то, что-то и узнает, но поймут единицы, а между знанием и пониманием пропасть, знать можно многое, но понимать суть, это совсем другое, кто понял – тот познает, но не каждый знающий поймет. В силу нашего эволюционного развития, далеко не каждый ребенок стремится к знанию, мы тысячи лет жили и развивались по принципу – кто сильнее, тот и прав. А мы хотим резко изменить то, что вырабатывалось в нас тысячи лет, еще раз повторю – глупость дичайшая. Большинство детей сами того не понимая, руководствуются древними инстинктами выживания. Конечно, не все так однозначно, ситуации разные, но в общих чертах все ясно. Если бы действительно хотели побыстрее сделать из обезьяны человека, учителю было бы намного легче, но это не выгодно. Поэтому приходится управлять посредством страха и наказания.

– Я все прекрасно понимаю, но страх точно не сделает из обезьяны – человека!

– Вы правы, мои двойки условны, к примеру, я никогда оставлял ученика на второй год, и считаю эту меру воздействия – дикостью, если он хочет остаться на своем уровне развития, это ему не поможет. Есть другой путь, я вижу вы его избрали, этакий учитель-панибрат, никаких оценок, главное зажечь искру знания, и подобное, возможно он и будет работать, но не сейчас и не здесь, а если и сработает то далеко не со всеми, а те дети с кем он сработает, ну или сработал в прошлом, а сейчас они к примеру учителями стали, так вот; когда они немного подрастут, то быстро поймут, что они в общем-то в меньшинстве, и их достоинства – скромность, ум, совесть, не являются эволюционными преимуществами того общества в котором они живут. Учитель который избрал второй путь, рискует в классе оказаться в роли козла отпущения. Возможно, когда дети подрастут, они поймут что были не правы, но будет уже поздно, другие придут на их место.

– Не везде же так.

– Конечно, есть разница например, между так называемой элитной школой и обычной, между деревенской и городской, но общий принцип примерно одинаков. Вы в детстве много читали?

– Конечно.

– Вы никогда не задавали себе такой вопрос; как среди стольких бед, болезней, войн, и прочих напастей, человек вообще умудрился выжить? Ради чего они терпели, да и сейчас продолжают?

– Да задавал.

– Приоткрою вам маленький секрет, выжили в основном те, кто очень редко задавал себе «лишние» вопросы.

– Если лично ваши выводы таковы, тогда, почему вы до сих пор работаете учителем?

– Трудно сказать, это вопрос философский и слишком личный, ответа на него я вам не дам, возможно, если задержитесь в нашей профессии, поймете. А насчет оценок, я думаю, вас не поймут не только ваши коллеги учителя, но и родители учеников, они выросли в этой системе, система у них в подкорке, поработайте немного, наберитесь опыта, потом возможно и поэкспериментировать.

– Но я уже обещал детям, я думаю что если я сейчас объявлю им, что это была шутка, они меня точно – не поймут, Иван Моисеевич я разберусь поверьте мне.

– Как? С вас будут требовать отчетности успеваемости и прочее, все нужно будет оформить на бумаге. Иногда складывается впечатление, что важнее цифры, а не дети. Чем больше бумаг и отчетностей, бестолковых совещаний, тем как кому-то кажется – лучше знания.

– Нет, конечно итоговые оценки за год я буду вынужден поставить, но сам принцип у меня будет другой.

Иван Моисеевич сел на стул, внимательно посмотрел на молодого коллегу.

– Осторожней Ваня.

– Дело не во мне Иван Моисеевич, дело в другом. Сами подумайте, если уж я, приехав из другого города, не имея учительского опыта, прекрасно осознавая где я нахожусь решаюсь провести подобный эксперимент, что мною движет? – Иван задумался о чем-то.

– Ну и что же, если не секрет?

– Молох, – сквозь зубы с ненавистью процедил Иван.

Иван Моисеевич встал, приоткрыл окно, и стал насыпать зерен в кормушку, в подсобку ворвался свежий воздух. Он закрыл окно, долго смотрел на улицу, затем тихо вполголоса произнес:

–Скорее шочимики.

– Что? –удивился Иван.

– Цветочная смерть, нужны были жертвы.

–Какие жертвы?

– У древних ацтеков словом шочимики, именовался человек приносимый в жертву. Жертвоприношения устраивались в знаменательные дни, например в праздники посвященные культу солнца. Жертвами могли быть как добровольцы, так и пленники. Они считали, что человек полностью подчинен воле богов, которые требовали человеческой крови. Смерть богов могла быть причиной гибели всего мира. Существование солнца по их мнению, могло быть только при подпитке его человеческой кровью, отсюда возникает культ крови, как источника для жизни светила.

8

Вдруг неожиданно в дверь подсобки громко постучались.

– Войдите, -пригласил Иван Моисеевич.

В комнату с испуганным видом вошел завуч Игорь Сергеевич.

–Аа, вот вы где Иван Николаевич.

–Что случилось?

– Там вас директор ищет, у него говорят Гизурин сидит в кабинете, зачем то вас требует.

– Хорошо, я сейчас буду.

– Хотите я с вами пойду? – спросил Иван Моисеевич.

– Нет, не нужно, я справлюсь.

– Я слышал он немного не вменяемый, – не успокаивался Иван Моисеевич.

– Наверное мы сможем договориться.

Через пять минут Иван Николаевич постучал в дверь директора.

– Войдите, – глухо раздалось изнутри.

–Вы меня искали Василий Васильевич? – Иван зашел в кабинет.

– Да искал, – он смотрел на Ивана серыми испуганными глазами, желваки то появлялись то исчезали с частотой не менее десяти раз в секунду, как будто быстро отстукивали сигнал SOS. – Проходите садитесь Иван Николаевич, познакомьтесь, Гизурин Анатолий Анатольевич, – он испуганно-холопски, указал рукой на мужчину сидящего в директорском кресле. Одно только это обстоятельство дало понять, что сейчас Ивану придется не легко. Но не только это резко кинулось ему глаза, точнее столько даже не факт восседания Гизурина в директорском кресле, а сама его внешность настолько поразили Ивана, что даже если бы он просто минут десять сидел и молчал, то Иван все десять минут внимательно бы рассматривал его. Короче говоря, все эти Гоголевские – Плюшкины, Маниловы, Ноздревы, Собакевичи Чичиковы, Бобчинские, Допчинские, Ляпкины-Тяпкины нервно курили бы в сторонке, завидуя фак-

туре местного полубога, а сам Николай Васильевич писал бы своих персонажей только с Гизурина, потому что в нем их помещалось наверное тысячу.

На вид ему было лет шестьдесят, он пристально смотрел на Ивана своими поросычьи-индюшачьими глазами, точнее даже не глазами, а двумя маленькими заплывшими щелочками, они бегали туда-сюда, как бы разрывая ими на части Ивана. Первый вопрос Ивана был самому себе, -«а он меня будет слышать?» – потому что ушей не было видно совсем, они утонули в складках щек, нос был как бы расплюснут и занимал очень солидную часть лица, сами ноздри ходили ходуном, как у дикого жеребца перед дракой, затем Иван насчитал примерно три подбородка, на которых то тут, то там громоздились бородавки разной величины, голова была побрита наголо, что особенно выделяло складки на лбу его обладателя. Он был одет в черный пиджак дорогого кроя и черную бархатную рубашку. На каждом из пальцев, которые плавно отстукивали по столу какую-то лишь ему известную мелодию, был либо перстень, либо золотое кольцо. Осмотрев Ивана, Гизурин медленно повернулся к директору и произнес:

– Выйди.

Василий Васильевич не сказав ни слова вышел из своего кабинета. Иван медленно подошел к директорскому столу, отодвинул стул, который стоял напротив директорского и сел. Гизурин ухмыльнулся, затем он взял лежащий на столе лист бумаги, пробежался по нему глазами, отложил его и очень низким голосом произнес:

– Иван Николаевич Поздняков, родился, жил и учился в Москве, – затем он очень кратко, но точно пересказал почти всю, пока не большую биографию Ивана. Отложив лист он почти ласково и с отеческим волнением за судьбу Ивана спросил:

–Ты знаешь кто я?

– Догадываюсь.

– Что же ты делаешь здесь Ваня, что ты делаешь?

– Работаю, – ответил Иван.

– Романтик значит, – «любите девушки простых романтиков»... – А у тебя девушка есть Ваня?

– Нет.

–Как нет, такой молодой, красивый и без бабы, ай ай ай. Хочется небось? Хочется признать, или ты это.., того.., может быть, – он помахал рукой в воздухе. – Голубой? У вас в Москве говорят их там много, ты если чего намекни только, мы тебе все что хошь организуем.

– Нет спасибо не нужно.

– А как ты..?, Руки то еще не смозолил? Ты это смотри- грех , лучше бабу.

Иван понял с кем он имеет дело, и как нужно действовать в подобных ситуациях.

– А так надежней и безопасней, болезни всякие понимаете ли, вдруг резинка порвется, нежелательная беременность и прочее, а тут посмотрел порнушку, пять минут и готово.

Лицо Гизурина резко изменилось, складки на лбу увеличились.

– Умный говоришь?! Короче пацан, тебе нужно сделать вот что; сейчас я тебя отпускаю с работы, затем ты едешь в ментовку и меняешь свои показания, суть их проста: мой сын с друзьями сидели на лавочке и мирно беседовали, увидев пьяного Сенгеенко пристающего к девушке, они решили заступиться за нее, после того как они подошли к нему и сделали ему устное замечание, он вынул нож и напал на моего Пашу. Ты запомнишь, или тебе записать?– Иван молчал. -Все ты можешь идти, там в ментуре тебя уже ждут, а с этой профурсеткой я только что поговорил, как ее там Левская, или Ленская? Будь она не ладна. И запомни Москвич, без шуток, я их не люблю, у нас в провинции вообще с шутками туго, времена понимаешь сложные, жить тоже не просто, – он стал приподниматься с кресла. – А мне бежать надо, дела наши грешные.

– Это не правда.

Гизурин посмотрел на Ивана исподлобья, и медленно сел назад.

–Ээ, а я то думал сообразительный малый, – он стал внимательно рассматривать Ивана, затем громко сказал. – Дурак? Ты дурак или прикидываешься? Ты вообще осознаешь где ты, и кто ты? Я захочу, тебя с твоим Сенгеенко и этой сучкой вообще не найдут. Скажут – «Пропали без вести»; организуют поиски конечно, я им в этом сам помогу, но все будет безрезультатно, поохают, повздыхают и закроют дело. Ты в курсе, что России в год пропадает без вести семьдесят тысяч человек, ушли и не вернулись, все Ваня все..! – он немного привстал с кресла, вытянул голову и повторил. – Ушли и не вернулись, – при этом золотой кулон у него не шее раскачиваясь рисовал восьмерку в воздухе.

– Знак бесконечности, – сказал Иван.

–Что, я не понял?

–Бесконечность, я подумал, может ли быть у мира конец, или он бесконечен?

– Ты мне тут уши не запинывай, – Гизурин медленно начал вставать, при этом продолжая разговор. – Я тебе так сказать, дал домашнее задание, если ты его не выполнишь- получишь двойку, мама твоя плакать будет, маму пожалей, двоечник, -дикий хохот над своей шуткой сотряс стекла серванта стоявшего в кабинете директора. Гизурин окончательно встал с директорского кресла стоявшего возле окна и загородил его своим неимоверно большим телом. – А если совсем плохо себя вести будешь, я тебе кол поставлю, осиновый, где-нибудь в лесу, – он подошел к Ивану и улыбнулся своими толстыми губами похожими на двух жирных дождевых червей. – Не дури Ваня, если хорошо себя вести будешь, этот щенок возможно условник схлопочет. А если даже и посадят его, ему урок будет, он говорят у них в ментуре на учете стоит, за кого ты впрягаешься Ваня? Щенок так и так рано или поздно сядет, – он подошел к входной двери.

– Но наверняка еще кто-нибудь из окон видел произошедшее, что вы будете делать, если появятся новые свидетели?

Гизурин почесал затылок, усмехнулся и ответил:

– Появятся поговорим, ты об этом не беспокойся. Но я тебя уверяю, никто не объявится, хочешь поспорим?

–Нет не хочу. Да, кстати многие находятся, – возразил Иван.

– Не понял?

– Ну вы же сказали, в России пропадает около семидесяти тысяч человек в год. Так вот, большинство находится в ближайшие два, три месяца.

– Тебя не найдут, не беспокойся. Ох грехи наши тяжкие, – Гизурин открыл входную дверь, еще раз кинул взгляд бультерьера на Ивана и вышел.

– «Что теперь делать?» – думал он. – «Оболгать невинного человека? В шестнадцать лет он потеряет окончательную веру в людей и сядет в тюрьму, кем он выйдет? Если выйдет вообще, неужели это тупик?»

В кабинет вошел Василий Васильевич.

– Иван Николаевич, вы куда-то идти хотели?

– Нет, у меня по расписанию урок в девятом классе.

– Делай как знаешь Ваня, но ты должен знать, у него везде связи, денег у него столько, что хватит купить всех кого надо купить. Говорят у себя на юбилее он сидел на позолоченном троне сделанным ему специально на заказ. А Сенгеенко ..? Да конечно, он умен не по годам и способен, но все же его выходок я не понимаю...

Все это время Иван сидел глубоко задумавшись над произошедшим, он почти не слышал, что говорил директор.-«Если он сейчас пойдет в полицию и даст ложные показания, что будет с Сенгеенко? Ему даже страшно было об этом подумать, наверняка условным сроком не обойдется, а дальше тюрьма сделает за него все сама. После во мне пропадет просто желание жить. Вот оно древнее чувство самосохранения против.... против чего? В бога я не верю, однако что останавливает меня пойти и сказать – Сенгеенко напал первым, садите его? Странно, а Гизурин

похоже верующий, что не останавливает его? На что надеется человек который в моем случае идет и говорит – садите Сенгеенко, как он дальше продолжает жить?» – он встал, и резко перебил Василия Васильевича, когда тот еще говорил о последствиях, в случае не повиновения:

– У меня урок Василий Васильевич, мне нужно идти подготовиться.

– Послушайте Иван Николаевич, вы осознаете последствия не только для вас, но и возможно для школы?

– Для школы? – удивленно переспросил Иван.

– А как вы думали, Анатолий Анатольевич для нашей школы очень много хорошего сделал, машину подарил для автодела и многое, многое другое.

– А вы себя не спрашивали Василий Васильевич, почему для того чтоб учить детей, вам необходимо просить помощи таких людей как Гизурин? Вы же все прекрасно видите и понимаете. А сейчас извините, мне нужно идти подготовиться, я вас уверяю, все будет хорошо, я все улажу, – Иван вышел из кабинета директора. Он пока сам не знал, что будет дальше? Но ложные показания на Сенгеенко он давать не собирался.

После того как он вышел из кабинета директора, к нему заплаканная подошла Левнова.

– Иван Николаевич, можно в с вами поговорить?

– Да, конечно, что с тобой?

– Гизурин, – всхлипывая сказала она.

– Он тебе угрожал?

Она молча плакала.

– Понятно.

Затем она перевела взгляд на него и с отчаянием спросила.

– Что делать? Что мне делать? Он сказал, что если я не изменю показания, он...-она заплакала еще сильнее. – Мне страшно.

– Когда это было?

– Он вызвал меня с урока, затем пошел к директору.

– Успокойся.

– Вас он тоже сейчас запугивал?

– Да нет, ну что ты, мы мирно поговорили, он интересовался кто напал первым и прочие подробности, – соврал Иван. – А где сейчас сын Гизурина и Сенгеенко?

– Сына и его друзей освободили почти сразу, еще вчера в отделе, а Саша остался там, мне так и не объяснили почему, сказали до выяснения вновь открывшихся обстоятельств и попросили уйти.

– А где учиться сын?

– В параллельном классе, да он и не учиться, почти не посещает.

– Не переживай, я все улажу, пока не давай никаких показаний.

– Но он сказал, чтобы я сегодня же, иначе...

– Ты можешь на время куда-нибудь уехать?

– На какое время? – перестав плакать, спросила она.

– Примерно на пару дней, со школой я постараюсь все уладить.

– Да я могу к старшей сестре, в соседний город.

– А родители?

– Придумаю что-нибудь.

– Тогда постарайся сегодня же уехать. Дай мне свой телефон, если что-то изменится я позвоню тебе, – он записал ее номер.

– Хорошо, до свидания – уже без слез, произнесла она.

Иван шел по коридору в свой класс, и не понимал, как он сделает то, о чем только что пообещал. Для него было ясно, что Гизурин хочет выставить потерпевшим своего сына, но о причине такого рвения, он еще не догадывался.

После того как Иван вышел из кабинета директора, Василий Васильевич устало сел в свое кресло, он прекрасно знал историю Гизурина.

Гизурин Анатолий Анатольевич приехал из Москвы в этот городок в конце восьмидесятых годов, никому не известно, что подвигло его к такому поступку, но устроившись рядовым бухгалтером на местный завод, он с рвением начал работать и очень быстро получил повышение на должность главного бухгалтера завода, а через не продолжительное время вообще стал его директором.

Действовал он смело, когда другие растерянно переглядывались на совещаниях в условиях набирающих темп перемен и не знали что делать, он предлагал свое решение, которое по началу отвергалось, но так как люди которых учили исполнять, не были готовы брать на себя ответственность, а зачастую вообще не понимали что происходит, и откровенно боялись, поэтому выжидая сами не зная чего, делегировали принятие решений кому то другому, то есть – Гизурину, который поработав здесь, и прикинув реальный расклад, раньше всех понял – чем все закончится. Далеко не всегда решения Анатолия Анатольевича приносило пользу, в былые времена его бы давно «попросили» за нанесенный ущерб. Но тогда лишь единицы пытались возражать ему, для него эти робкие намеки на его не компетентность, были как слону дробина, лишь подвигая его к новым «свершениям». На совещаниях он сидел молча, постукивая шариковой ручкой о стол, и смотрел на всех исподлобья, понимая что последнее слово все равно будет за ним, и оно будет окончательное и бесповоротное. За высокомерие и неординарность его откровенно ненавидели, он знал это, но Анатолию Анатольевичу было глубоко плевать на общественное мнение, нелюдимый и замкнутый он шел к своей, одному ему известной цели. Его можно было ненавидеть, но нельзя было не поражаться его смелостью и предприимчивостью. У окружающих иногда складывалось такое ощущение, что он не боялся никого и ничего, презирая все и вся вокруг, смотря на большинство людей как на пустое место. Были и те кто наблюдая за ним, в душе восхищались им, но боялись сами себе в этом признаться.

В начале девяностых, когда он открыл первые магазины по продаже китайского ширпотреба, на него было совершено несколько неудачных покушений, но и это его не остановило, он открыл еще несколько в соседнем городе, когда в очередной раз раньше времени взорвалась его машина, а он отделался лишь легким испугом, к нему пришел молодой человек спортивного телосложения и смотря на него восхищенными глазами сказал что хочет работать на него, это был киллер нанятый убить его. Казалось Анатолий Анатольевич не боялся самой смерти, а всеми своими поступками откровенно смеялся ей в лицо.

Дела становились все масштабней, деяния смелее, а сам Гизурин богаче. Однако завод, директором которого он был, постепенно приходил в упадок, как и все в этом маленьком городке. Сам Анатолий Анатольевич относился к заводу как отжитому прошлому, с плохо скрываемой враждебностью, причины которой также были известны лишь ему самому, поэтому он был начисто лишен душевных терзаний по поводу его развала. Он брался за все, что приносило ему прибыль и давало ощущение внутреннего комфорта. Постепенно его состояние достигло очень внушительной суммы, и аппетиты росли. В ближайшее время, после драки его сына должна была состояться очень крупная сделка, сулившая ему баснословную прибыль, ему посоветовали подстраховаться и на всякий случай вложиться в собственный пиар. В местных газетах на стали «неожиданно» печататься хвалебные статьи о Анатолии Анатольевиче, местный заброшенный парк при его непосредственном участии был благоустроен, отремонтированы несколько детских площадок, и прочие дела благотворительности бросающиеся в глаза местному населению. И вся эта шумиха с пьяной дракой в которой был виноват его сын, которую могли поднять его недоброжелатели, коих было достаточно, могла навредить столь ожидаемой им сделке.

В тот самый день, когда у Ивана была непродолжительная, но очень содержательная беседа с Анатолием Анатольевичем, ближе к вечеру, в то самое время, когда Солнце уже зашло, но еще одаривало своим светом этот маленький провинциальный городок, к дому Гизурина подошел невысокого роста, нетипично одетый для этой местности пожилой человек с тросточкой в левой руке. На шее у него был повязан яркий клетчатый шарф, который сразу привлекал к себе внимание прохожих, так что рассматривая шарф, никто даже не мог вспомнить лицо человека носившего его. Осмотревши высокий забор и массивную дверь входа, он поднял трость и нажал ей на кнопку звонка.

В доме Анатолия Анатольевича раздались ноты музыки, столь любимой его хозяином. Сам он в этот момент находился в своем кабинете и ничего не слышал, мельком вспоминая разговор с Иваном и просчитывая возможные последствия в случае, если дело пойдет не так, как задумал он. Когда он был еще глубоко погружен в свои мысли, в дверь его кабинета постучались.

– Да, – резко ответил хозяин.

На пороге показалась домработница:

– Анатолий Анатольевич, вас спрашивают, – робко доложила она.

– Кто?!

– Не знаю, он сказал что от Петра Петровича.

– От кого? – удивился Гизурин.

– От Петра Петровича.

Ничего не понимая, он недоверчиво смотрел на домработницу долго не отвечая. Наконец встав с кресла он прошелся по кабинету напряженно о чем-то размышляя, и лишь еле слышно даже для самого себя повторял:

– Петр Петрович, Петр Петрович, Петр Петрович... Зови, – после двухминутного размышления, почти выкрикнул он. – Че встала, зови, – уже бурно жестикулируя, гневно распорядился Анатолий Анатольевич. Домработница вздрогнув послушно кивнула и закрыла дверь кабинета снаружи. – Петр Петрович, Петр Петрович, по моему это тот самый... – усиленно что-то припоминая, продолжал шептать себе под нос Анатолий Анатольевич, расхаживая по кабинету пока в дверь не постучались. – Да, да войдите, – резко изменившись в лице, бодрым, приветливым голосом, почти пропел Гизурин.

Дверь открылась и на пороге появился не высокого роста пожилой человек с тросточкой в левой руке, весь вид его был настолько необычен для этого города, что на несколько секунд лицо Анатолия Анатольевича приобрело удивленно-вопросительное выражение. Особое внимание привлекал длинный, яркий клетчатый шарф, повязанный два раза вокруг шеи, он настолько выделялся среди прочих примет этого человека, что иные черты личности сами собой уходили на второй план. Он не торопясь зашел в кабинет и жестом руки поприветствовал хозяина.

– Здравствуйте, – пытаюсь понять кто этот человек, недоверчиво поздоровался Анатолий Анатольевич и протянул руку.

Пожилой человек проигнорировав протянутую руку, отвернулся и как будто ни в чем не бывало не торопясь подошел к окну и отстраненно смотря в него низким голосом произнес:

– Я от Петра Петровича, по поводу сделки.

После отвергнутого рукопожатия в душе Гизурина все кипело, давно никто так демонстративно не унижал его, но что-то было во всем облике этого странного человека такое, что необъяснимо сдерживало Анатолия Анатольевича от поспешных действий в отношении собеседника. А после того, как он услышал слово – сделка, его решимость ответить на унижение, угасла как раскаленная лава, поглощенная океанскими водами.

– Слушаю, – уже более почтительно сказал Гизурин.

Пожилой человек развернулся к Анатолию Анатольевичу и потирая безымянный палец на правой руке произнес:

– Петр Петрович интересуется, на кой черт она вам? У вас же все есть. Дом, семья, денег вам и вашим детям хватит, да еще внукам останется, бросьте вы эту затею Анатолий Анатольевич, поберегите себя...

Фраза – «поберегите себя», – была сказана столь двусмысленно, что Гизурин не на шутку взволновался.

– Зачем она вам? – настойчиво продолжал пожилой человек. – Все суета, сует, суетою подгоняемо.

После столь неожиданного начала разговора, Анатолий Анатольевич немного придя в себя, внимательно посмотрел в глаза собеседника.

– Как я могу вас называть?

– Петр Петрович.

Взгляд Гизурина остановился на табакерке стоящей на столе, желваки на лице нервно заиграли:

– Даже так... – не понимая что происходит, почти по слогам выговорил он. – Тески значит.

– Да какая вам разница, Петр Петрович, Степан Степаныч, Акакий Акакьевич? Называйте как хотите. Понимаете ли, как вы уже догадались я приехал к вам из далека, уладить последние вопросы, и у нас с Петром Петровичем, сам собой возник один вопрос к вам – зачем вам столько денег? Куда вы их денете?

– Разберусь, – смело, не ожидая того от себя, резко ответил Гизурин.

– Вот так вот все отвечают. А порой выходит что не могут разобраться, тут и приходится нам с Петром Петровичем вступать, а ведь спрашивали же.

– Ну вы то тоже небось, не на зарплату живете? – все более дерзко продолжал Гизурин.

Пожилой человек медленно пошел к направлению выхода:

– Всего хорошего, я передам Петру Петровичу что вы отказались от сделки и правильно сделали...

Анатолий Анатольевич в ту же секунду оказался возле двери кабинета:

– Я не отказывался, – глубоко дыша твердил он, преграждая дорогу собеседнику.

Пожилой человек остановился, безразлично смотря куда то по сторонам:

– А у вас есть вкус, – его взгляд блуждал по кабинету пока не остановился на книжной полке. – Оо, «Капитал», вы читали? – пожилой человек подошел к полке и аккуратно вынул книгу.

– Выборочно, – соврал Анатолий Анатольевич.

– Этот сын израильского народа написал почти все, однако главное упустил, – с наслаждением листая подарочный экземпляр книги, сказал пожилой человек. – Как вы думаете, что он упустил?

Анатолий Анатольевич растерянно, как школьник перед учителем на экзамене смотрел по сторонам в поисках ответа.

– Основной инстинкт. В конце концов ради него все старания, – громко захлопнув книгу сказал пожилой человек. – Вы со мной не согласны? – внимательно посмотрев на Анатолия Анатольевича спросил собеседник. – Как вы считаете, основной инстинкт является главной потайной действующей силой капитала, или все же есть нечто иное?

– Не знаю, – растерянно мотал головой Гизурин. – Самосохранение, инстинкт самосохранения, – вдруг неожиданно для самого себя выдал он.

– А ради чего самосохранение? Ради продолжения рода, – ответил на свой же вопрос пожилой человек. – Все по полочкам разложил, а главное не разобрал, – ставя книгу на место

заклучил он. – Интересно, а найдется такой человек, который сумеет написать подобное для нашего времени, с его новыми реалиями? Или все осталось по старому?

– По старому, – как попугай повторил Гизурин, боясь новых вопросов.

– Новая жизнь по старому, вот в этом то и вся загвоздка. Молодое вино в старые мехи не наливают, – пожилой человек вопросительно посмотрел на Анатолия Анатольевича.

Однако тот ничего не ответив, задал встречный вопрос.

– Так что там на счет сделки? Я хотел бы узнать подробности вашего визита ко мне.

Пожилой человек медленно зашагал вдоль кабинета переставляя трость в такт шага:

– Подробности как вы только что выразились – «по старому», – однако я здесь по иному поводу. Мы с Петром Петровичем очень волнуемся за вас, такая сделка требует от человека участвующего в ней максимального напряжения его сил, а здоровье как говорится – не купишь. Мы со своей стороны, ответственно гарантируем вам, полное выполнение наших обязанностей, а вы?

– Что я?

– Вы можете быть уверены в своих физических и моральных силах? Ведь если что, пострадаете не только вы.

Никто до сего не задавал Анатолию Анатольевичу подобных вопросов. Если честно он не знал как реагировать на подобное. – «Угроза?» – размышлял он. – «Вряд ли, если захотели бы, поступили иначе».

– Вы можете быть полностью уверены во мне, – наконец ответил Гизурин.

Пожилой человек неожиданно подошел почти вплотную к Гизуруну и вполголоса, очень низким тоном сказал:

– Хмм, вот так вот живет себе человек, ничего не подозревает, ничего не беспокоит, громадные планы на жизнь строит. Плановый медицинский осмотр. Заходит этот человек к врачу в отличном настроении, а тот. – «Ваша фамилия?», – называет этот человек свою фамилию. Врач порылся в бумажках, поднес к окну снимок, и так безучастно. – «Вам надо лечиться». – «Зачем?», – спрашивает человек, – «ставьте печать, мне идти нужно». – Врач поднимает взгляд и сообщает диагноз, – «но есть надежда, если будете выполнять все рекомендации», – и пишет, пишет, пишет, что-то. А у человека громадные планы, солнце за окном светит, жить хочется. – «Это какая-то ошибка» – говорит человек. – «Не думаю» – решительно отрезает врач и продолжает писать. Это для него обыденная обыденность, у него таких несколько на дню может быть, в этот момент врач что-то потустороннее для этого человека, не имеющего ничего общего со всеми остальными живыми людьми, почти мистическая сущность, да так что одной рукой хочется ударить его, а другой пылинки с него стряхивать. Наконец дописав, врач протягивает несколько бумажек. – «Вот это нужно сдать». – И этот человек никак не поймет, как можно сообщать подобное с таким вот рабочим выражением лица, ведь это же конец света, земля должна сию же минуту остановиться, солнце погаснуть, вся вода в океанах испариться, однако ж нет, все идет своим чередом. Наконец жажда жизни, берет свое, человек робко задает стандартные для таких случаев вопросы. Ну и наконец, очень частый апогей подобного разговора, врач смотрит на человека и разводя руками произносит, – «я не Господь Бог, я ничего не могу гарантировать».

Анатолий Анатольевич громко проглотил слюну не в силах вымолвить ни слова.

– «Ни-че-го не мо-гу га-ра-нти-ро-вать», – по слогам произнес пожилой человек, смотря прямо в глаза собеседнику.

Гизурин сделал шаг назад и сел в кресло для гостей, стоящее возле стола:

– Я постараюсь все соблюсти, – смотря в пол, тихо произнес он. – Вы можете на меня положиться.

– Ну хорошо, раз так, тогда вас можно поздравить, все тонкости уже улажены, осталось соблюсти формальности, – бодрым голосом произнес пожилой человек направляясь к выходу.

Анатолий Анатольевич молча кивнул.

– Да и кстати..., – пожилой человек как бы невзначай посмотрел на Анатолия Анатольевича. – До нас совершенно случайно дошли слухи о каком-то недоразумении с вашим сыном, я понимаю дети, все бывает, но...

Гизурин подскочил с кресла:

– Все в порядке, все улажено, он здесь не при чем.

– Вы в этом уверены? – презрительно посмотрев на Анатолия Анатольевича, с почти не скрываемой ненавистью, произнес пожилой человек. – Я надеюсь все будет улажено, для вас же лучше, всего хорошего, – пожилой человек отвернулся и открыв двери кабинета быстро вышел громко захлопнув за собой.

Еще долго Анатолий Анатольевич молча стоял в пустоте своего кабинета переваривая в уме только что произошедшее с ним. Затем подойдя к массивному столу, он нажал на потайную кнопку вызова, и грузно сел в свое кресло.

11

Стук в дверь разбудил задремавшего Ивана.

– Войдите.

– Это я Ваня, хотела поинтересоваться как прошел день?

– Спасибо тетя Рая, нормально.

– Давай поужинаем.

– С удовольствием.

– Что это вид у тебя какой-то не важный.

– Устал немного под вечер, – зевая ответил Иван.

– Да, кстати почитай, – Раиса Павловна протянула газету Ивану, – шла с работы, бесплатно раздавали, вот Гизурин на фотографии, местный воротила. В конце восьмидесятых он главным бухгалтером работал на нашем заводе, уже тогда начал передел, Сережа с ним боролся, но у него связи, Сергей ничего не смог сделать, переживал очень, а потом... – у Раисы Павловны потекли слезы.

– Да, немного знаком, – вполголоса сказал Иван, рассматривая газету, на первой странице которой в полный рост, была размещена фотография Гизурина.

Внизу, крупными буквами под фотографией было написано – «Труд, во благо народа!» – более мелкими буквами было написано еще что-то, но Иван не дочитал.

– Тетя Рая, кто он?

– Наверное местный полубог, ну или как его по нынешним временам называть? Говорят у него скоро сделка очень крупная намечается, вот он и старается, хвалебные статьи в газетах и прочее.

И тут Иван понял, зачем Гизурин пытается быстро замять дело с дракой, а лучше для него конечно будет, если его сын в этой истории будет героем. – «Тогда и говорить с ним бесполезно» – подумал Иван. – «Что же делать? Не буду думать об этом сегодня, подумаю об этом завтра? Утро вечера мудренее, нужно отдохнуть, утром что-нибудь придет в голову, слишком много событий на сегодня».

– Ваня, вся эта история с дракой, может ему навредить.

– Может, – тихо произнес Иван.

– Давай ужинать.

– Сейчас, – Иван вышел из кухни. – Только позвоню родителям, – тут же на кухне раздался удар похожий на треск ломающегося стекла. Вернувшись он увидел перепуганную тетю указывающую на окно кухни. Стекло окна было полностью треснуто, но тройной стеклопакет пластикового окна от удара не рассыпался.

– Это был камень, – подходя к разбитому окну утвердительно сказала она.

Иван сразу все понял, подумать о проблеме завтра не получалось, нужно было все рассказать.

– Это он, он хотел чтоб я сегодня же сходил в полицию – растерянно садясь на стул, сказал Иван.

– Кто он?

– Гизурин, он был у меня сегодня, хотел чтобы я поменял показания, мол это на его сына напали, а не он первый напал.

– Я так и думала, а девушка, как она?

– Ей он тоже угрожал, – оговорился Иван.

– Он тебе угрожал? – переспросила тетя.

– Нет ... – ругая себя за не сдержанность, ответил Иван. – Я ее попросил уехать на пару дней, я сам мол все решу. Тетя Рая, я не буду менять показания, я поеду в Москву, если у него тут все схвачено.

Раиса Павловна не много помолчала о чем-то задумавшись.

– С корабля да на бал, только приехал, и на тебе. Нет уж, хватит с меня этого Гизурина . Не надо никуда ехать, это опасно. – Она подошла к телефону, и набрала номер. – Ало Саша, здравствуй, как дела? Нужна помощь, ты не сможешь подойти?... Ждем.

12

Через десять минут раздался стук в дверь. Иван соскочил с стула на котором все это время он сидел в тяжелом раздумье и открыл дверь. Он догадывался кому звонила тетя , но у него оставались некоторые сомнения, которые развеялись, когда на пороге он увидел Александра Аркадьевича.

– Здравствуй, – поприветствовал он Ивана.

– Здравсьте, проходите.

Александр Аркадьевич зашел в коридор, он понял, что произошло что-то связанное со вчерашней дракой, он знал, Гизурин попытается запугать Ивана, предварительный расклад сложился у него в голове еще вчера и если честно признаться, он ждал этого звонка... Разувшись он прошел в зал. Раиса Павловна сидела молча на диване о чем-то глубоко задумавшись, увидев его она встала.

– Здравствуй.

– Здравствуйте.

– Присаживайся – она указала на диван.

Иван сел напротив. Александр Аркадьевич внимательно посмотрел на него и сказал:

– Предупреждают?

– Что? – переспросил Иван.

– Окно.., я увидел с улицы, я так понимаю, что он уже с вами разговаривал? Сегодня вы не пошли в полицию менять показания, это было предупреждение.

– Да, он со мной разговаривал, вы правы, он требовал поменять показания, но я этого делать не буду.

– Ну и правильно.

– Но только меня немного беспокоят последствия, – Иван указал на стекло. – И девчонку он тоже запугал. Я хочу ехать в Москву, в прокуратуру.

– И что вы им скажете? – усмехнувшись, сказал Александр Аркадьевич.

– Какой-то выход должен быть.

– Саша, что нам делать? – спросила Раиса Павловна.

– Молиться, – на полном серьезе ответил Александр Аркадьевич.

Однако по его глазам, она поняла, что он имеет ввиду совсем другое. Но Иван не понял этого, он встал, посмотрел исподлобья на собеседника и произнес.

– Вы можете молиться сколько угодно, а я завтра же поеду в Москву.

– Какая короткая у вас учительская карьера получится, – возразил Александр Аркадьевич. – Вы вернетесь ни с чем, у вас нет доказательств, вы думаете я не пытался найти управу на него, при том что у меня они... – тут он демонстративно стал откашливаться. – Короче говоря я все понял, – он встал с дивана. – Идите завтра спокойно на работу, картина для меня ясна, а вы Раиса Павловна, как говорится, помолитесь и спать ложитесь, – он незаметно для Ивана подмигнул ей.

Она посмотрела на него и поняла то, что ей нужно было понять. Однако Иван не унился, он не понимал этой странной ухмылки Александра Аркадьевича, и ходил по залу в ожидании чего-то более существенного чем – помолитесь.

– Что нам делать? – еще раз переспросил он.

– Успокоиться, – ответил Александр Аркадьевич, затем сложил руки в молитвенной позе, и опять с ухмылкой сказал. – А я помолюсь за вас, завтра в нашей общине.

– Да что вы ей богу, – возразил Иван.

– Ваня успокойся, – перебила его Раиса Павловна.

Он молча сел на табурет, и уставился в окно.

– Да, а стеклопакет можете заказать по этому номеру, выйдет не очень дорого, мне уже меняли как-то раз, – Александр Аркадьевич написал номер телефона прямо на лбу фотографии Гизурина, которая была напечатана на бесплатной газете. – Раиса Павловна, можно вас на минуточку? – они вышли в коридор. – Я так думаю

завтра, в крайнем случае послезавтра, Гизурин приедет сам.

– Зачем? – удивилась Раиса Павловна.

– Поговорить, только я думаю, тон разговора у него будет намного мягче, чем обычно.

– Саша, что ты задумал? Будь аккуратней.

– Не беспокойтесь Раиса Павловна, я пойду, до свидания, всего хорошего.

– До свидания.

13

Религиозная община на окраине города последнее время гремела на всю округу, приезжали туда люди почти со всех концов страны и не только. Что они там искали? Зачем ехали? У каждого было свое горе – ребенок наркоман, муж пьет, дочь гуляет, нет детей, всякого рода болезни телесные и душевные, короче говоря – всего не перечислишь. Были среди них и обычные искатели «истины», но их было меньшинство. Но что влекло их именно сюда? Что питало их надежду? Чем были они подкрепляемы преодолевая тысячи километров? Это был местный старец. О нем ходили легенды, говорили что он может вымолить кого угодно, излечить любую болезнь, помочь в любой проблеме. Откуда он появился, никто не знает, на вид ему было лет шестьдесят. – «Острый взгляд, четкие черты лица, высокий рост, среднее телосложение, ораторский дар, харизматичность, лидерские качества, ум, смелость», – так бы описал его человек, решивший посетить эту общину с целью понять феномен старца. Как только он появился в общине, туда почти сразу потянулись люди, он понимал проблему каждого кто подходил к нему за помощью, обладая недюжей выносливостью, он мог принимать людей по двадцать часов в сутки, внимательно выслушав человека. Постепенно община стала разрастаться и набирать силу, строились новые здания, восстанавливались старые, возле общины стали появляться дорогие машины очень состоятельных людей, включая машину Гизурина. Местные власти сначала смотрели на все это сквозь пальцы, но затем, поняв все плюсы для бюджета «города» стали даже немного помогать, а точнее говоря просто не мешать.

Сам Летин – глава города, был человеком советского воспитания, и относился к породе чиновников которые ловко умеют лавировать «между струйками». Пройдя все ступени карьерной лестницы, он понял главное – нужно чувствовать куда «дует ветер», тогда есть шанс усидеть в своем кресле и подняться выше. Именно сейчас, всем своим чутьем он почти ощущал – куда «дует ветер», и поэтому стал посещать общину. Он стал намекать жене, что нужно бы

сходить к старцу, да так, чтобы тебя увидело побольше местных, что он и сам там бывает, а желательно сходить туда вместе, взяв с собой дочь. Сначала она не хотела, но после того как заболела их единственная дочь – Ольга, а все местные врачи не могли помочь ей, она пошла к старцу и через неделю Ольге полегчало.

С тех пор ее как будто подменили, она не слышала тех людей, которые говорили ей, что диагноз местных врачей был ошибочен и лечение которое они назначили не могло дать положительного эффекта, что только после того как вы обратились к Московскому профессору ей стало легче. – «Профессора послал бог, по молитвам старца» – говорила она, а на вопрос. – «Почему этого профессора бог посылает преимущественно к людям у которых есть деньги?», – она отвечала. – «На все есть божья воля». Да и сам Летин перепугавшись за единственное чадо, стал прислушиваться к советам старца.

Гизурин также быстро смекнул расклад и стал очень часто посещать общину, публично делал большие пожертвования, и тесно общался со старцем. Когда он первый раз увидел и услышал его, даже он понял – «кто есть кто», – и добровольно подчинился, тем более, что свои слабости были и у Гизурина.

Корче говоря, завертелось-закрутилось и поехало то колесо жизни, которое не могло оставаться без движения, ввиду природы человеческой, и испокон веков оно ехало оставляя за собой вдавленную колею посреди горя людского. Иногда оно притормаживалось людьми которые призывали выбрать другой путь, но гонимые всеми включая власть предержащих оно продолжало крутиться, нанизывая на спицы истории их судьбы.

Старец этот как говорили был с криминальным прошлым, но никто не знал, за что именно он сидел, и откуда он вообще здесь появился. Когда упоминалось его имя и «чудеса» которые он совершает в присутствии Александра Аркадьевича, тот ухмылялся и глубоко вздыхал, он был единственным в этом городе кто знал, кто такой и откуда этот старец... Сам он не верил в бога, увидев на войне сколько боли может причинить человек человеку, отказывался верить, что тот сотворен богом. – «Да его можно обуздать при помощи бога, но не более», – был его вывод.

14

Наутро после происшествия с разбитым окном у Раисы Павловны, Александр Аркадьевич встал пораньше и направился в общину. Идти было относительно не далеко, поэтому он решил пройти пешком. После двадцатиминутной прогулки он подошел к главному входу возле которого толпились молодые люди спортивного телосложения. Не привлекая их внимания, прикинувшись мирно прогуливающимся пенсионером, он пошел по тропинке вдоль кирпичного забора общины. Минут через пять, зайдя за угол стены, он обернулся – никого вокруг не было, достав из кармана ключи, он подошел к еле заметной, низкой на вид, решетчатой двери, которая была закрыта. Вставив ключ в замочную скважину и сильно дернув дверь на себя, он стал открывать замок, после двух, трех неудачных попыток он все же смог попасть внутрь. Там где он оказался, было нечто внутреннего двора, этот двор был огорожен еще одной стеной внутри общины, доступ туда был не у многих, здесь же за железной дверью находился небольшой дом старца. Подойдя к дому Александр Аркадьевич постучал, никто не открыл дверь, он постучал еще раз, но за дверью была тишина. – «Ну что ж, придется зайти и подождать» – подумал он. – Достав из кармана ту же связку ключей, он попал внутрь.

Дом был размером примерно пять на пять метров, с одним окном и двумя дверьми, одна из которых вела на внешний двор, а через другую попал сюда Александр Аркадьевич. Изнутри он был обставлен скромно – деревянная кровать, деревянный стол, большой шкаф с книгами, пара стульев, комод на котором также лежали книги, в углу стоял небольшой телескоп. Все это напоминало тихое убежище ученого аскета, а не религиозного лидера. Взяв первую попавшуюся книгу с комода и присев на стул Александр Аркадьевич прочел название и начал с увлечением читать. Минут через двадцать за дверью ведущей на внешний двор послышался

разговор, говорили трое человек, Александр Аркадьевич подошел к окну, также смотрящему во внешний двор, аккуратно отодвинул занавеску и приоткрыл его. Метров в десяти от дома, мужчина и женщина, на вид лет пятидесяти о чем-то слезно умоляли старца. Говорили они не громко, однако через приоткрытое окно все было слышно.

– Его нет уже три недели, – плача повторяла женщина. – Я вас прошу помолитесь, он у нас единственный, мы любые деньги ... мы все отдадим вам, прошу вас...

– Зачем так? – с укором посмотрел на нее старец. – Сколько лет ему было?

– Пятнадцать – ответила она, ушел с друзьями, все вернулись, а его нет... – она плакала навзрыд, немного склоняя голову. – Полиция, все искали, нету...

– А друзья?

– Ничего не знают, – ответил еле сдерживающий себя мужчина.

Вдруг он немного покачнулся, заплакал и упал на колени.

– Это я виноват, я, – повторял он. – Я не дал ему компьютер, уроки... уроки.. ему нужно было делать уроки, – и он стал биться головой о землю.

– Что вы, успокойтесь, встаньте, – твердым голосом произнес старец. – Он помог встать мужчине. – Вы правильно сделали, не в этом причина.

Вдруг мужчина как по мановению волшебной палочки перестал плакать.

– А в чем? – уже спокойно, но с надеждой в голосе спросил он.

– В другом, вы тут ни причем, я вижу... – ответил старец, и посмотрел в небо. – Причина другая.

– Он найдется? – умоляющим голосом вопрошала женщина.

Старец внимательно посмотрел на них обоих и возложив правую руку на женщину, а левую на мужчину, стал что-то шептать. В этот момент их лица как будто преобразились, по их глазам было видно, что они поверили – их сын найдется, и эта надежда даст им силу жить дальше. Никакой профессор психиатрии не смог бы сделать того, что сейчас сделал этот «старец», он пробудил в них древнее, дремлющее и заложенное в каждом человеке от рождения, ввиду его природного естества чувство – надежду на чудо, и тем самым даровал им смысл – смысл жить. Немного помолвившись, он обратился к ним.

– Думаю я, отрок ваш жив, – при этих словах мать вскрикнула и упав на колени заплакала, обнимая ноги старца.

– Встаньте, – сказал он. Она послушно встала. – Думаю я, найдется скоро, молитесь, да по молитвам вашим... и он поднял глаза к небу. А сейчас идите, вас проводит вон тот юноша, – и указал на молодого человека, стоящего немного поодаль возле ворот двора, которого совершенно не заметил Александр Аркадьевич наблюдая всю эту сцену. – Идите он вам все покажет и объяснит, вы с дороги устали.

Мужчина взяв подол старца стал целовать его.

– Спасибо, спасибо вам, мы постараемся...

– Идите, идите.

На что надеялся он сам? Когда говорил им слова успокоения. На что он уповал? Когда обещал, что возможно их сын скоро найдется. На чудо? Он не знал этого сам, но прекрасно понимал, силу каждого своего слова сейчас и его возможные последствия...

Когда они стали подходить к выходу в сопровождении юноши, навстречу вломилась женщина лет шестидесяти, со словами:

– Мне срочно, пустите, я спросить хочу. Ее немного задержали, но старец жестом показал. – Пустите, – ее пропустили.

– Помогите мне.

– Что вам?

– Я вот что, я две недели не сплю, как бы это объяснить вам... телефон.

– Что телефон? – удивился старец.

– На похоронах дяди моего, он старенький был дядя, так вот, когда гроб опустили, я подошла земельку бросить, а у меня телефон возьми да и упади в могилку, – она посмотрела на него как овца на пастуха.

– И что, телефон дорогой закопали, я не пойму?

– Да нет, телефончик та вот он, достали, – она вынула из кармана простенький мобильный телефон.

– А что вам от меня то?

– Боюсь я, две недели не сплю, умру я скоро.

– Почему?

– Так дядя мой, меня к себе уже тогда на похоронах звал. Да и старухи тоже говорят, иди мол к старцу, он тебя вымолит.

При этих словах старец побледнел.

– Он вам позвонить хотел наверное.

– Кто?

– Дядя ваш, – он еле сдерживал себя.

Она смотрела своими маленькими заплывшими свинячьими глазками ничего не понимая. Однако старец продолжал.

– Позвонить хотел с того света, любимой племяннице, зачем вы телефон достали?

– Так вроде же.., – она крутила телефон в руке и не знала что сказать, затем улыбнулась. – Аа.., вы шутите, я не поняла!

Он посмотрел на нее опустошенным взглядом.

– Выкини его, купи другой, тогда жива будешь, – затем он резко развернулся и направился в сторону дома.

– Ааа куда выкинуть то.., – продолжала она, однако он ее уже не слышал, да и не хотел слышать.

15

Дверь была закрыта на два больших замка; пока старец снаружи открывал замки, Александр Аркадьевич закрыл окно, положил книгу на место, не спеша подошел к стулу и сел. Дверь распахнулась, на пороге показался старец, он взглянул на Александра Аркадьевича таким взглядом, как будто тот здесь жил.

– Аа, гражданин майор, здравствуйте, что-то давненько вас не было, не поверите, но я вам рад, – он улыбнулся, закрыл двери на замок и протянул руку.

– Ну здравствуй Кеша-Звездочет, – Александр Аркадьевич привстал и пожал ему руку. – Мы же договорились, гражданин слово режущее слух, а я отдыхаю Кеша я на пенсии.

– Запоматывал, товарищ майор, кто старое помянет, тому глаз вон.

– А кто забудет тому оба; да ладно, это я так.., шучу. Но все-таки, чутье твое тебя не подводит, еще за дверью понял, что в доме кто-то есть.

– Половица у меня скрипит, вы когда от окна отошли, на нее наступили.

– А кто тебе сказал, что я в окно смотрел?

– А куда больше? – старец подошел к кровати и сел на нее смотря на пустую стену на против. – Пустота; вы мне обещали подарить свою работу. Художник против пустоты и небытия, – тяжело выдохнул старец.

– Не дописал еще.

– Я не тороплю товарищ майор, – протянув руку он стал бесцельно переставлять две шахматные фигуры зачем-то стоящие на столе. – Устал я, уйти хочу отсюда, не вмоготу мне...

– Что именно?

– Бессмысленно как-то все, иногда так подумаешь, хоть бы кто-нибудь, что-нибудь мне против сказал, ни одного живого лица, страх один у всех в глазах. Вот скажешь им какую-

нибудь ахинею и они верят, верят представляете. Я то думаю, хоть один подойдет и спорить начнет, так нет – боятся, даже если точно знают – лгу – боятся.

Всем чудо подавай...только вот Митька, помощник мой, дерзит, остальные все... – он махнул рукой.

– Ну ты сам этот путь выбрал, никто тебя сюда не тянул. Однако как я посмотрю, дела у вас тут идут...

– Это не у нас они идут, товарищ майор, это у вас там они не идут, совсем не идут. Извините, как говорят на вашем бывшем месте службы – плохо работаете. Вы этот цирк с телефоном видели? Это что я по вашему ее сюда позвал? Это кто ей так там у вас мозги промыл, что она сюда прибежала? И таких с каждым днем все больше и больше, то им сон плохой приснился! То им квартиру отомолить надо, видите ли бесы там у них живут, поэтому в семье часто ссоры. То ребенок не усидчивый – наверное соседская бабка сглазила! Или придет какая-нибудь тридцатилетняя девица – я мол у гадалки была, она сказала кольцо безбрачия на ней, поэтому мужа найти не может! У вас там что вообще происходит товарищ майор?! – он внимательно посмотрел на Александра Аркадьевича.

Тот глубоко вздохнув, развел руками.

– Им так выгодно Кеша, им так выгодно, – при этом он поднял указательный палец, и начал показывать вверх. – Да и легче так многим как я посмотрю.

– Но и куда вы эдак приползете?

– На тот свет точно.

– Что-то я посмотрю товарищ майор глаза у вас потухли, раньше я за вами такого не наблюдал, помнится в молодости гоняясь за мной по три дня могли не спать и не есть, глаза ваши помню, когда в первый раз меня взяли.

– Да я и сам за собой этого не наблюдал, наверное старость Кеша, старость она никого не щадит, и я устал. Я смотрю, ты звезды так и продолжаешь считать? – улыбнувшись Александр Аркадьевич указал на телескоп в углу.

– Ради этих минут и жить продолжаю, товарищ майор.

Они оба замолчали. Два одиноких пожилых человека, с совершенно противоположной судьбой, которые под склоны лет пришли к одинаковым выводам, от которых обоим было жутко. После двухминутного молчания Александр Аркадьевич тихо сказал:

– Не кажется ли вам Иннокентий Сергеевич, что нас с детства обманывали?

– А что есть истина товарищ майор? Может ложь, в этом мире и есть правда для многих... Скажи я сейчас отцу и матери, что их сын никогда не найдется -смириться, что будет с ними? Лучше соврать, но для них это будет правдой, и правдивее правды этой для них не будет, они будут ей жить, ну а там... авось вернется, я тоже в юности месяцами пропадал и ничего, сейчас по большому счету кроме самого себя никому не нужен, – он глубоко вздохнул. – Лет двенадцать назад, жил в одной деревне, и поймал себя на мысли, что вот пропади я сейчас, и никто этого не заметит, получается я тогда уже пропал без вести, даже для самого себя, что-то надломилось во мне тогда, тоска взяла – бери и вешайся, зима стояла лютая, я во двор вышел, разделся, лег на снег, глаза закрыл, думал замерзну к весне кто-нибудь найдет, до того все опостылело. Лежу, чувствую кто-то по мне бегаёт, думаю -вороны прилетели уже, поднимаю голову, а это котенок, черный весь, смотрит на меня голубыми глазками, и откуда он взялся тогда? Я ему – «цыц», – а он лег мне на грудь, свернулся калачиком, дрожит весь, не уходит. Думаю, замерзну я- никто не всплакнет, а вот его жалко стало, поднялся кое как, зашел в избу, наделся, печь растопил, молока ему налил, только благодаря ему жив остался, даже воспаление не подхватил. Только он убежал как весна пришла, а я опять один остался...

Все я видел на этом свете, и женщины и деньги, все было у меня, но все это пшик, чего-то реального захотелось, людей поглубже узнать, смысл узнать, только как сделать это с моей-то

биографией? Случай тогда вспомнил один, уходили мы от вашего брата по сибирским лесам, было нас пятеро, всех я знал, кроме одного -интеллигент-очкарик, что он с нами делал? Как там оказался? Бог его знает! По моему они его как консерву с собой брали, я то к ним позже присоединился. В общем, прижали нас тогда, загнали, жрать нечего, мороз, а этот очкарик все молится; когда один на один с ним остался, я его спрашиваю. -«Кому молишься? Ты вообще знаешь зачем ты здесь? Сожрут тебя». Он говорит – «ты тоже жрать будешь?» – «Нет, я не буду», а он. – «Будешь, куда ты денешься, люди испокон веков друг друга ели, жить захочешь –будешь. Ну а молюсь я ради того чтоб выжить, бога наверное нет, но когда молишься легче становится, не я это придумал, человек так устроен, это работает». – «А как же сработает, если ты не веришь?» – спрашиваю я. – «Сам пока не знаю, но как-то работает, выжить в тяжелых условиях точно помогает», – отвечает он. Затем говорит. -« Цель у меня есть – дочь свою должен увидеть, никого нет у меня кроме нее, и ради нее я должен выжить, так тоже легче, человек так устроен, ему цель нужна – ради чего мучиться, многие ее сами придумывают, чтобы легче жить было, вот у тебя какая цель, зачем ты здесь?» – Я молчу, не знаю что сказать, а он. – «Вот поэтому я выживу, а вы нет». – Глубоко задумался я тогда.

– Ну и что выжил интеллигент? – спросил Александр Аркадьевич.

– Не знаю, он той же ночью исчез, те трое не дошли, все в лесах остались, я чудом выжил. Вспомнил я эту историю, собрал вещи и ушел из этой деревни, бродягой был, однако слова интеллигента этого помнил. Придя сюда, понял я еще вот что товарищ майор – нет никакой красивой жизни, все это самообман, будешь думать и рисовать для себя перспективы – в конце все равно проиграешь, поставишь на себе крест – возможно что-то значимое получится.

Они опять замолчали. Тишину нарушил стук в дверь.

– Сейчас –отозвался старец. – Товарищ майор, я так понимаю, истинную цель визита вы еще не озвучили, я вас слушаю.

Александр Аркадьевич посмотрел в глаза старцу.

–Ну слушай Иннокентий Сергеевич...

– Из Москвы приехал?! Учительствует?! Физику преподает?!– удивленно переспрашивал старец спустя несколько минут.

– Да, есть еще Кеша, есть еще романтики.

– Наверное не верит, сюда не придет, хотя интересно было бы пообщаться с ним, – он встал, шелкнул костяшками пальцев. – Сегодня вечером Гизурин придет к нему сам, не обещаю что будет просить прощения, но историю эту учитель ваш забудет как страшный сон.

– Все удивляюсь Кеша, как ты это делаешь? «Чудо» какое-то.

– Естество человеческое есть суть «чуда». Работал я по молодости санитаром в психушке, я там такого насмотрелся... Короче говоря выхода было два, либо все это изучить, либо после увиденного самому в дурку – я выбрал первый. Таких как этот Гизурин знаю как облупленных, он у меня живо подтает как снег под весенним солнцем.

– А почему дальше учиться не пошел?

– Насмотрелся я на вашу жизнь, тогда и сделал свои выводы, природа взяла свое, не всем же в милиции работать.

– Ты прямо клад для меня Иннокентий Сергеевич, как хорошо, что я тогда не выстрелил.

– Вы не выстрелили бы товарищ майор, я тогда по глазам вашим это понял.

– Ну как знать, больно ты уже мне кровь тогда попил в Ленинграде, командировку всю испортил, – усмехнувшись сказал Александр Аркадьевич.

– Да и вы меня не жалели.

– Как чувствовал, что-то в тебе есть кроме...

Старец закашлялся.

– Раскаялся я товарищ майор, укатили Сивку крутые горки, вы же знаете. Один я такой, уникальный. Да и долг платежом красен...

– Да, да, кто знает, может и раскаялся, – Александр Аркадьевич встал со стула. – Ну ладно Иннокентий Сергеевич, провожать меня не надо, я сам дорогу знаю, пригласи как-нибудь на звезды посмотреть, – он кивнул в сторону телескопа.

– Милости просим товарищ майор. Еще вот что, я вас давно спросить хотел, со мной бродягой все понятно, а вы то как живете? Я знаю, судьба у вас на мою похожа – два конца одной веревки, где вы силы берете? После вашей-то работы, да с таким характером?

– Художник Кеша, вытаскивает из дерьма себя сам, как барон Мюнхгаузен за волосы из болота, всего хорошего.

– И вам не хвать.

Александр Аркадьевич открыл дверь ведущую на задний двор, и вышел из дома.

Старец проводив его взглядом, подошел к столу взял телефон и стал набирать номер...

16

Иван не надеялся ни на кого кроме себя. Он уже хотел звонить отцу, у которого были связи в прокуратуре, но как только он вспоминал слова матери, – «вернешься и двух недель не пройдет», – он выкидывал эту идею у себя из головы. Проблема эта целиком поглотила его, он не мог думать больше ни о чем, уроки он проводил так, что ему самому стало стыдно за себя.

Но нет худа без добра, он поймал себя на мысли – «да какая там к черту наука? Когда у человека вопрос выживания». – Его как будто осенило – «тот человек, или то общество которое поставлено на грань выживания – никогда не будет думать о развитии, науке, творчестве. Он запуган, унижен, растоптан, однако природа берет свое и человек пытается выкарабкаться. Запуганным человеком легче управлять, подойди к нему сейчас Загорутько, наори на него, скажи ему, что он дурак и балбес, что он не увидит премии до конца года – вчера утром он бы этого не стерпел, сегодня он стерпит, ему некуда деваться, он прижат к стенке». – Как только он подумал о Загорутько, как тот вошел в нему в кабинет.

– Здравствуйте Иван Николаевич, – раздраженным голосом сказал он.

– Здравствуйте, – испуганно ответил Иван.

– Был вчера в полиции?

– Нет.

– Ваня сходи пожалуйста, – озираясь, тихо сказал директор. – Можно ведь договориться, возможен и условный срок. Затем все уляжется, сын его уедет куда-нибудь за границу, все забудется, сходи Ваня.

– Не могу я Василий Васильевич.

– Девчонку эту пожалей, если себя не жалко, о ней подумай.

– А если не уляжется, а он получит реальный срок, что тогда будет?

При этих словах Загорутько как будто ударило током, он выпрямился, оглянулся и очень часто задышал.

– Все может быть. Что будет тогда с Сенгеенко? Я жизнь ему покалечу, девчонке этой тоже не сладко придется.

– Ну ты это брось, все будет хорошо.

– Для кого хорошо? И вообще Василий Васильевич, кто вам сказал что он всесилен? На него управа найдется, я уверен.

Но последняя фраза была сказана настолько безвольно, что директор понял – надо дожимать.

– Ваня, условный срок, в крайнем случае его отпустят досрочно, я уверен. Затем я обещаю что верну его в эту школу, если он конечно захочет. Парень способный, еще с золотой медалью закончит, сам за него радоваться будешь. Всего-то год потеряет, может остепенится, после в Москву поступит – при последних словах Василий Васильевич выпрямился во весь

рост, поднял над головой указательный палец, и замер на месте. Загорутько думал что дело сделано – Иван поменяет показания.

– Нет, Василий Васильевич.

Загорутько посмотрел на Ивана как японский шершень на пчелу и резко развернувшись пошел к выходу, остановившись возле двери, он напуганно сказал:

– Аккуратней будь Ваня, я за тебя боюсь, Гизурин ни перед чем не остановится, – и быстро вышел из кабинета.

Закончив все дела в школе, попрощавшись и посмотрев на часы, которые показывали уже шесть вечера, перебрав в голове еще раз возможные варианты развития событий, Иван пошел домой. Выйдя из школы он заметил черный мерседес направлявшийся к нему. Развернувшись и не обращая внимания он пошел в другую сторону по тротуару. Вдруг услышав сигнал сзади, он обернулся; мерседес сигнала и моргая фарами догонял его, Иван замер на месте, – «если хотели бы сбить, сигналить не стали бы, да и машину выбрали б другую». – Мерседес быстро подъехал к нему, открылось окно заднего пассажирского места на котором сидел Гизурин.

– Садись Ваня, разговор есть, – сказал он.

Иван стоял в раздумье не зная что делать.

– А в другом месте нельзя поговорить?

– Нельзя. Да не бойся, ничего я с тобой не сделаю, место людное, все мою машину видели.

– Но вы сами мне вчера говорили – у вас со свидетелями разговор короткий.

Гизурин оскалил зубы, взял правой рукой золотой кулон висевший у него на шее и сказал:

– Ваня, не доводи до греха, садись по хорошему, тебе же лучше будет, если бы убить хотел, я бы по другому, поверь мне... я два раза просить не буду, – Иван заметил, что Гизурин был чем-то подвален и раздражен.

– Хорошо, но вон висит камера, – он указал на столб стоящий рядом.

– Это не камера, это разбитый фонарь Ваня, да и с камерой не помогло бы..., садись.

Иван обошел машину и сел на заднее пассажирское сиденье. Машина тронулась.

Гизурин пристально смотрел на Ивана, ему стало неловко и он первый решил нарушить молчание, но только он хотел что-то сказать, как тот выпалил:

– Хитер, ой как хитер, – продолжая впиваться взглядом в Ивана. – Я то думал романтик, а тут на тебе... – вдруг он резко наклонился к Ивану, положил правую руку ему на плечо, прищурился и сказал. – Ты кто вообще? Ты это... не того? Ато давай колись, я если что и помочь могу, я тут всех знаю, у меня на всех компроматец имеется, – затем он еще ближе приблизился к Ивану и уже шепотом продолжил разговор. – У вас там в Москве не все знают, я помогу...

Иван сидел молча, если бы он сейчас увидел неопознанный летающий объект размером со стадион, который приземлился бы поблизости и высадил зеленых человечков, он был бы меньше поражен происходящим, чем тем, что сейчас говорил Гизурин. Он молчал, уставившись в одну точку и не знал что ответить, но через минуту молчания все же произнес:

– Вы о чем?

Гизурин отвернулся и отодвинулся от Ивана.

– Ах хитер, я так и думал. Короче Ваня, я не знаю кто ты, но дело это решать надо мирно, так... пьяная мелкая ссора, никто не пострадал и хорошо, – затем он опять повернулся к Ивану. – Как говорится – совместно мы можем повлиять на сложившуюся ситуацию?

Иван молча кивнул головой.

– Ну вот и ладненько, – у него зазвонил телефон, он поднял трубку. – Да Людочка, что случилось доченька, да выпил, выпил я лекарство, не беспокойся, целую моя маленькая, пока... – он положил телефон в карман. – Дети Ваня, дети, все ради них, – его глаза засияли, словно два алмаза на солнце в гранитной скале. – Ради них же стараешься, а они вот такое устраивают, дерутся, да и вообще... – он задышал как бык на корриде, помолчал и продол-

жил. – Ножа ни у кого не было, тебе привиделось, так..., мелкая драка, и все. Пацана этого выпустят, девчонке, то же самое скажи. Драка из-за девушки – романтично звучит, как считаешь?

Иван кивнул головой.

– Сейчас едем в ментовку, а со своим балбесом я сам потолкую, – при этих словах его лицо сделалось сурово-угрюмым.

– А нож, нож в полиции? – спросил Иван.

– Слушай, а этот Сенгеенко лихой малый, люблю таких, уважаю. Он этот нож выкинуть успел, менты никакого ножа не нашли, повязали всех тогда они, но без ножа, только с твоих слов получается нож был. Бабу эту предупреди – ножа не было, она ошиблась. Сын мой поцарапался случайно, до драки. Плохой мир Ваня – лучше хорошей войны. Слушай, а ты точно нож видел?

– Показалось.

– Ну и ладненько, – Гизурин протянул Ивану правую руку. – Договорились.

Иван пожал ее.

– Договорились.

Вот, мы уже на месте, – машина подъехала к отделению полиции. – Ох грехи наши тяжкие, ну иди Ваня, иди.

– До свидания.

Гизурин промолчал, Иван вышел из машины. Каждый день его пребывания в этом городке преподносил ему такие сюрпризы, что он боялся подумать – что будет завтра? Он сделал все, как договаривались. В полиции все прошло гладко. Ножа не было, мелкое хулиганство, никто не пострадал, штраф – дело закрыто. Иван сразу же позвонил Левновой, сказал что все улеглось и она может возвращаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.